

Тридцатилетие Ленинско-Сталинского комсомола — большое событие в жизни всей молодёжи нашей страны.

Пионеры и школьники тоже приготовились к встрече этого праздника. В школах и пионерских дружинах проводятся торжественные вечера и сборы в честь славного юбилея, пионеры готовят подарки комсомолу.

На снимке: делегаты средней школы № 1 города Косова, Станиславской области. Они привезли в подарок ЦК ВЛКСМ украшенную народной гуцульской резьбой шкатулку для трёх орденов, которыми награждён комсомол.

Иосиф Виссарионович СТАЛИН

Художник В. Климашин.

Славный путь

«...Выросли мы в пламени,
В пороховом дыму...»

(Из старой комсомольской песни)

Год за годом растёт наш комсомол. В октябре нынешнего года мы празднуем его славное тридцатилетие.

Годы идут, и первые комсомольцы, которым в 1918 году было по шестнадцать—семнадцать лет, стали теперь уже коммунистами. Три десятилетия—немалый срок.

Но выросли одни комсомольцы, и на смену им пришли другие, молодые. Как и тридцать лет назад, комсомол звенит молодыми голосами, он всё тот же жизне-радостный и отважный борец за дело нашей партии. И попрежнему молодые люди, вступая в члены ВЛКСМ, мечтают о подвигах во славу народа и клянутся быть верными Родине до конца, до последней минуты жизни.

«Счастливы комсомол...» — говорил Михаил Иванович Калинин. Да, счастливый! Нет на свете большего счастья, чем сознание, что ты один из бойцов великой сталинской армии. И каждая её победа — это и твоя победа. В неё вложен твой труд, твоя борьба, сила, молодость, вдохновение. Эта ни с чем не сравнимая радость даже в самые тяжёлые минуты придаёт силу и мужество.

Вспомните Зою Космодемьянскую... На помосте виселицы, окружённая врагами, она гордо и мужественно произнесла слова, которые жили в её сердце:

— Я не одна, нас двести миллионов... С нами Сталин...

Так же героически вела себя и другая девушка, жизнь которой оборвалась почти тридцать лет назад. Поля Барк была одной из первых комсомолок. Вот записка, написанная ею в белогвардейской тюрьме, в последние часы перед смертью:

«Дорогие товарищи. Ещё 24 часа осталось жить... Умираем с полным сознани-

ем, что правое дело, за которое мы погибнем, восторжествует... Поля Барк».

Эти две девушки никогда не знали друг друга, даже жили они в разное время, но обе они черпали своё бесстрашие в уверенности, что коммунизм победит.

Много в этом тридцатилетии было героев и героинь. Много раз весь мир поражался стойкости и твёрдости духа советской молодёжи.

«Комсомол богат хорошими людьми», — сказал секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ товарищ Михайлов. Да, целая галерея знакомых дорогих лиц проходит перед глазами, когда оглядываешься на пройденный комсомолом путь. Маленький храбрый пулемётчик Афанасьев и Анка-пулемётчица (Мария Попова), машинист-стахановец Пётр Кривонос и ткачихи Дуся и Мария Виноградовы, боец Александр Матросов, грудью закрывший вражеский пулемёт, звеньевая Ольга Бондарюк, вырастившая богатый урожай хлеба, — все эти имена связаны с большими событиями в стране. Сколько хороших юношей и девушек, которые так самоотверженно трудились, учились, воевали! Это они создали героическую биографию комсомола. Каждый был на посту, выполнял свою работу, свой долг. И как из маленьких рек образуются могучие потоки, так из усилий комсомольцев сложились легендарные комсомольские дела. Ныне три ордена украшают знамя Ленинского комсомола. Это высокая награда Родины, немеркнущая слава комсомола.

«Рождённые бурей» — так назвал Николай Островский первых комсомольцев. Да, тогда, в 1918 году, в стране бушевала буря, шла война, кровавая, беспощадная, не на жизнь, а на смерть. В этих боях ро-

дился комсомол. На своём первом съезде Коммунистический Союз Молодёжи поклялся отдать все силы на борьбу с врагом.

Тот, кто становился в те дни комсомольцем, знал, что ждёт его фронт, полная опасностей жизнь. Николай Островский рассказывал: «Вместе с комсомольским билетом нам вручали винтовку и 200 патронов».

Десятки тысяч смелых юношей и девушек шли в комсомол, становились солдатами революции. Это было боевое крещение комсомола. Он возмужал, прославился в боях молодые солдаты. За боевые заслуги комсомольцев на фронтах гражданской войны Родина наградила комсомол орденом Красного знамени.

А когда враги были разбиты, комсомольцы по зову партии стали первыми бойцами на трудовом фронте. Это молодёжь помогла появиться на географической карте новым именам: Магнитогорск, Кузнецк, Днепрогэс — и именам многих других промышленных гигантов. То был тяжёлый труд. Вот что рассказывает академик Бардин, работавший в то время главным инженером Кузнецкого металлургического комбината:

«Работали круглые сутки... Когда на половине котлована вдруг обнаружили плавуну, котлован продолжали рыть, стоя по пояс в ледяной воде. Сильные морозы сковывали вязкую глинистую почву площадки. Эскаваторы задыхались на морозе, но каменную почву надо было разбить. Комсомольцы объявили субботник. Дезертиров не было. Были энтузиасты, борцы».

Одна из самых больших доменных печей в Магнитогорске носит название «Комсомолка» — в память о том, что строили её комсомольцы. И на далёком Амуре стоит город Комсомольск, от первого до последнего кирпича сложенный руками молодых советских людей.

За проявленную инициативу в деле ударничества и социалистического соревнования, обеспечивших успешное выполнение пятилетнего плана народного хозяйства, комсомол был награждён вторым орденом — орденом Трудового красного знамени.

А третий орден — самая высокая награда, орден Ленина — был вручён комсомолу за выдающиеся заслуги перед Ро-

диной в годы Отечественной войны против гитлеровской Германии.

Мы помним и Александра Матросова, и летчика Петра Харитонова — он дважды таранил немецкие бомбардировщики, и Василия Зайцева, который из горящего танка послал свою последнюю радиogramму: «Горим, продвигаемся вперёд», — и храбрых разведчиков, которые шли в тыл к немцам, народных мстителей-партизан.

Миллионы героев прославили комсомол и на фронте и в тылу. Юноши и девушки беззаветно сражались за Родину, за свободную и счастливую жизнь в социалистическом отечестве. Ведь ни в одной капиталистической стране молодые люди даже в самых смелых мечтах не могут представить себе такую жизнь, которую советская Родина дала своей молодёжи. Наша молодёжь может выбирать любую профессию, учиться, заниматься спортом, путешествовать. Было бы только желание — можно достигнуть всего, что задумаешь. И мы высоко должны ценить наше прекрасное настоящее, созданное великой заботой коммунистической партии, и наше светлое будущее.

Разные задачи выдвигала перед нашей страной жизнь в этом тридцатилетии, и всегда большевистская партия, товарищ Сталин указывали молодёжи путь и цель: вот где нужны твои молодые силы, комсомол. Вот дело, которое ждёт твоего боевого задора, твоей энергии, смелости. И комсомол твёрдо шёл к цели. Комсомол был всегда в первых рядах борцов. Товарищ Сталин сказал: «Я не знаю случаев, когда бы он отставал у нас от событий нашей революционной жизни».

И так будет всегда. Комсомол всегда будет верным помощником партии.

Коммунистическая партия вела комсомол и в боях и в труде. Она воспитывала его, вдохновляла на подвиги, служила высоким примером в борьбе за светлое будущее человечества.

В день славного тридцатилетия мы оглядываемся не только назад, на пройденный путь. Мы смотрим и вперёд. И среди пионеров, носящих красные галстуки, мы видим будущих комсомольцев, преданных делу Ленина — Сталина. Мы верим, что они впишут в историю комсомола новые славные страницы. Пусть перед ними всегда живёт пример героев и героинь, с честью выполнивших свой долг перед народом!

Комсомольский значок

Евг. Долматовский

Был юноша принят вчера в комсомол;
Счастливым и гордым к отцу он пришёл
Волнением своим поделиться.
Промолвил отец: — Поздравляю, сынок,
Хороший подарок не зря я берёг,
Теперь он тебе пригодится.

Достал он из ящика красный флажок,
Нагрудный флажок — комсомольский значок,—
И вспомнил двадцатые годы.
И, сыну значок приколовши на грудь,
Сказал он: — Достоин товарищей будь,
Будь верным слугою народа!

Вся юность моя в комсомоле прошла,
И мама твоя комсомолкой была,
Значок этот скромный носила.
Мы шли через пламя гражданской войны.
На первые стройки Советской страны,
В сраженьях росла наша сила.

— Отец, беззаветно пойду я вперёд,
Нас партия славной дорогой ведёт,
Верны мы великой Отчизне!
На сердце горит комсомольский значок,
Как будто бы маленький красный флажок
На карте пути к коммунизму.

РАССКАЗЫ О ВОЖАТЫХ

Где бы ты ни жил, в каком бы классе ни учился, всюду и всегда рядом с тобой надёжный и заботливый друг, посланец комсомола — пионер-вожатый. Он пойдёт вместе с тобой в поход, поддержит в трудную минуту, обрадуется твоим успехам, а самое главное — поможет стать настоящим человеком — сильным, мужественным, честным, горячим патриотом любимой страны.

Посланец комсомола

Мы познакомились с Сашей Френкиным в прошлом году, ещё до начала занятий. Райком комсомола назначил его к нам старшим вожатым. В школе тогда шёл ремонт, но многие ребята, как обычно после каникул, заходили в школу. Потом все удивлялись, как это с первых дней Саша узнал всех ребят. Они не знали, что он познакомился со многими ребятами ещё задолго до 1 сентября.

В нашей дружине много хороших ребят, а работа у нас не клеилась. Мы придумывали интересные дела, но они почему-то срывались. Наметим сбор, а потом переносим его с одного дня на другой. Решим пойти на экскурсию, ребята не соберутся — и всё дело расстраивается. С приходом Саши жизнь пошла по-другому. Он очень энергичный человек и не любит лишних слов. Решено сделать сегодня — сегодня и будет сделано. Саша сразу подтянул у нас дисциплину.

Я помню, как на один из первых сборов часть ребят пришла без галстуков. Саша не допустил их к участию в сборе, а потом позвал и рассказал о нашем красном знамени, о революционерах, которые шли в бой под этим знаменем, о солдатах, которые воевали на фронтах.

— Пионерский галстук — символ верности красному знамени, — сказал Саша. — Если у вас есть уважение к бор-

цам, отдавшим жизнь за наше счастье, если вы верны делам и заветам революционеров-большевиков, дорожите своим красным галстуком.

Саша говорил просто, но с такой страстью, что его слова врезывались в память. И я не помню, чтобы пионеры после этой беседы приходили на сбор без галстука.

Саша, как и миллионы других комсомольцев, защищал на войне знамя нашей страны. В начале Отечественной войны Саше было только семнадцать лет, он учился в школе. На фронт Саша пошёл добровольцем. Он участвовал во многих боях, прошёл через все испытания войны, стал бывалым солдатом. После тяжёлого ранения Сашу демобилизовали.

Перед Сашей встал трудный вопрос: как быть дальше? От школы он отстал, многое из того, что учил, позабыл, да и возраст у него уже был такой, что его не могли принять в десятилетку. Он стал работать и учиться. Наверно, ему было трудно. Ведь некоторые ребята от одной учёбы плачут. Но сильная воля помогла Саше. Сейчас он уже в десятом классе вечерней школы и учится на пятёрки и четвёрки.

Пример Саши оказал большое влияние на пионеров. Мы привыкли, что Саша приходит всегда минута в минуту. На каждый день у него составлен план. Это научило и нас ценить время.

Организованность и дисциплина были необходимы нашей дружине. Этих качеств нам и не хватало.

Саша много работал с пионерским активом. Это помогло нам правильно и сознательно строить работу в отрядах. Мы, старшие пионеры, вместе с Сашей читали и обсуждали книгу Н. К. Крупской «О коммунистическом воспитании». Саша рассказывал нам о детских организациях

за рубежом, о том, как живут там дети рабочих, и о буржуазной организации рабочих.

Саша многое поручал нам самим.

— Вы сами всё делаете, ни на кого не надейтесь, — говорил он.

Со второй четверти у нас уже повелось так, что всю подготовку к дружинному сбору и сбор проводят члены совета дружины. Но после сбора Саша собирал нас, и мы обсуждали все недостатки. Он всё замечал: и слабое освещение сцены (звено, которому это поручили, не постаралось), и шум за кулисами, и закрытые окна: в зале было душно. Все эти, на первый взгляд, «мелочи» приучали нас в дальнейшем быть внимательнее, мы чувствовали свою ответственность и самостоятельность.

Сашу любят и уважают все ребята, он пользуется большим авторитетом. Но Саша — не только строгий и умный воспитатель, он весёлый товарищ. После экзаменов Саша собрал ребят, оставшихся в городе, и вместе с ними отправился в поход под Загорск. Всю дорогу мы пели. Саша знал такое множество песен, что казалось, им конца нет. У нас в походе организовался настоящий хоровой ансамбль.

Вечером мы разожгли в лесу костёр. Саша рассказывал нам о войне, о боях, о своих товарищах-солдатах. Потом он рассказал о том, как живут маньчжуры и корейцы. Саша видел их и говорит, что такую нищету, в какой живёт там простой человек, даже трудно себе представить.

Он сказал, что, когда мы, пионеры, вырастем, мы будем участниками больших событий. Надо с детства готовиться к ним. Саша привёл нам слова Лазаря Моисеевича Кагановича: «Пионер — это не просто парадный мальчик, не парадно одетая девочка, пионер — это боец».

Никогда не забуду этого ночного костра и рассказов нашего любимого вожака.

Володя Кузьмин
Москва, 110-я школа.

Товарищ Поля

Товарищ Поля — так взрослые называют нашу вожатую. По имени они зовут её потому, что помнят ещё девочкой: она воспитывалась в нашем детском доме. А «товарищ» добавили с тех пор, как она вернулась с завода. Там, на заводе, Поля делала винтовки. Это было во время вой-

Здесь, на страницах 5, 7 и 9, мы печатаем рисунки со Всесоюзной выставки детского творчества. Эта выставка — подарок ребят всего Советского Союза к 30-летию комсомола.

«Наш город», акварель
Фридриха Гуревича (город
Харьков).

ны. Поля была тогда совсем молоденькой, она только что окончила ремесленное училище, но работала так хорошо, что даже с фронта получала письма: бойцы благодарили за хорошее оружие. В заводском клубе висел её большой портрет.

А когда окончилась война, Поля Корепанова вернулась в наш детский дом и стала вожатой.

В то время наш детский дом только что отстроили. Он стоит в красивой местности: недалеко протекает река, а на той стороне реки растёт густой лес. Только вокруг дома совсем голо. Поля посмотрела кругом и сказала:

— Что же мы будем смотреть на ту сторону? Надо, чтобы и у нас тут было красиво. Давайте разобьём сад.

Тогда же, ещё в 1945 году, мы посадили первые деревья.

Мы старательно ухаживаем за яблонями и скоро соберём первый урожай. Поднялась акация вокруг сада. Посадили мы и цветы. На нашем берегу теперь стало красиво.

Полю часто называют беспокойным человеком: она не может сидеть сложа руки, всегда придумывает что-нибудь новое. Агафон Иванович, наш директор, рассказывал, что и на заводе Поля была стахановкой, всегда стремилась работать всё лучше и лучше, придумывала разные усовершенствования.

Как-то у неё был интересный разговор с одним мальчиком. Он получил тройку по какому-то предмету и был этому рад.

— По-моему, не стоит радоваться такой отметке! — заметила Поля.

— Почему, Поля? Тройка — удовлетворительная отметка, — сказал мальчик.

— Вот именно, — ответила Поля. — Только удовлетворительная!

А другой раз такой был разговор у меня с Полей. Были объявлены лыжные соревнования школьников. В команду нашего детского дома Поля включила и меня.

— Постарайся придти первым, — сказала Поля.

Я думал, она шутит. У меня результаты тогда были неважные, я боялся, что приду последним.

Поля пошла со мной на тренировку. Она хорошо ходит на лыжах и с гор катается. — Шире шаг! Скользи! — учила она меня.

Я не привык к такому широкому шагу, и сначала у меня болели ноги. Потом стало легче. Результаты улучшились.

На соревнованиях я занял первое место. Поля была очень рада этому успеху. К нашему приезду она устроила целый праздник. Но мне она сказала так:

— Володя, давай условимся: ты будешь попрежнему считать, что ещё плохо ходишь на лыжах. Да и в самом деле, разве ты не можешь ходить ещё лучше, быстрее?!

Вот какой «беспокойный» человек наша вожатая, товарищ Поля. И я постараюсь быть похожим на неё.

Володя Владимиров
Удмуртская АССР, Б.Учинский район,
деревня Николо-Сюга.

Ладо теперь комсомолец

В каждом классе бывает ученик, которого все ребята уважают и слушаются. Таких было Ладо. Весёлый, остроумный, начинщик всяких игр, он был любимцем ребят. Пионеры выбрали его председателем совета отряда. Ладо вполне этого заслуживал: он и сам хорошо учился, и другим помогал, дисциплина у него тоже была хороша.

Но Ладо был вспыльчив. Под горячую руку он мог обидеть даже самого лучшего друга. Однажды из-за этого произошла большая неприятность. На уроке учительница сделала Ладо замечание. Ладо вспыл и наговорил учительнице дерзостей.

Гиви Сергия, наш вожатый, сказал, что надо извиниться перед учительницей. Но Ладо, словно горячий конь, закусил удила и слушать ничего не хотел. Наоборот. На следующих уроках он вёл себя ещё более грубо. А ребята, вместо того чтобы остановить Ладо, смеялись каждой его выходке. Они так привыкли во всём подражать Ладо, что уже не отличали его хороших поступков от дурных. Так часто бывает: понравится тебе какой-нибудь человек — и идёшь за ним, не думая, куда придёшь. Может быть, Ладо в душе и со-

знавал свою вину. Но упрямство и поддержка ребят завели его слишком далеко.

Однажды после уроков я увидел на балконе Гиви и Ладо. Гиви, как всегда спокойный и сдержанный, о чём-то говорил, а Ладо слушал. Он стоял, опустив голову. Лицо у него было красное, напруженное. По-моему, он даже плакал, хотя я боюсь это утверждать. Плачущий Ладо!

Но то, что произошло потом, было ещё более невероятно, чем слёзы. На глазах всего класса Ладо подошёл к учительнице и сказал:

— Простите меня. Я был очень, очень неправ перед вами. Больше я никогда не позволю себе быть таким грубым.

Спустя много времени Ладо принимали в комсомол. Кто-то вспомнил этот старый случай. Тогда Ладо сказал:

— Мне казалось, что я поступаю, как гордый человек. Я ни за что не хотел просить прощения. Но однажды Гиви рассказал мне о командире, который из-за ложного самолюбия повёл своих бойцов по заведомо неверной дороге. Гиви спросил меня, не поступаю ли и я так же. Он тогда очень сильно подействовал на меня, и вы знаете, что я исправил свою ошибку.

Георгий Кикодзе
1-я мужская школа,
Тбилиси.

Старшая сестра

Во время войны у нас случилось сразу два несчастья: фашисты убили моего папу, а вскоре заболела мама и умерла.

Нас осталось трое: я, братишка и маленькая сестрёнка. Бабушка взяла к себе сестрёнку, а тетя, палина сестра, — брата. Я осталась жить у дяди. Все родные хорошо относились к нам. Рената и Соня Шангобуловы, мои подруги, утешали меня. Но я очень тосковала по папе и маме, почти каждую ночь плакала.

Однажды ко мне подошла Галина Григорьевна, наша пионервожатая. Я думала, что она будет спрашивать о стенной газете. Я тогда была членом редколлегии, а газета у нас выходила нерегулярно. Но Галина Григорьевна заговорила совсем о другом: Она спросила.

— Роза, как живут твои братишка и сестрёнка?

Я сказала, что они живут у родных.
— А ты думаешь о них? Ты им помогаешь?

«Пионерский костёр», анварель Жени Семёнова (город Киев).

Я ничего не ответила. Галина Григорьевна продолжала:

— Роза, они всегда должны чувствовать, что у них есть сестра. Ты старшая.

Я заплакала. Мне вспомнилось, как часто об этом говорила мама ещё тогда, когда мы были все вместе. А теперь, когда мама умерла, кто же, как не я, должен стать самым близким человеком для малышей?! Слова Галины Григорьевны словно разбудили меня. Мы долго разговаривали в тот вечер с Галиной Григорьевной о том, что значит быть старшей в семье. И я поняла, что как бы хорошо ни относились к ребятам и бабушка и тётя, у меня есть свои обязанности. А я всё время думала только о себе и о своём горе и совсем забыла о них... Конечно, пока я ещё учусь в школе, много сделать я, наверно, не смогу. Но я постараюсь, когда вырасту, взять на себя заботу о них.

А пока тоже нашлись дела. Раньше я любила шить куклы. Сошью, бывало, мешок, набью его мягкой верблюжьей шерстью, приделаю руки, ноги, голову — и кукла готова. Мои куклы нравились даже старшим девочкам. Теперь я снова принялась шить куклы, но уже не для себя, а для своей сестрёнки. Брату сшила трусики и рубашку.

Потом я стала заучивать наизусть стихотворения и сказки и рассказывать их малышам. Мы стали вместе гулять. Ребята привязались ко мне. Они всегда ждут меня и радуются моему приходу.

Я никогда не говорила Галине Григорьевне, как подействовали на меня её слова. Но они остались у меня в памяти.

— Как бы тяжело ни было, человек всегда должен помнить о своих обязанностях и о своём долге, — сказала Галина Григорьевна во время нашей беседы.

Роза Чурина
Алма-Ата,
школа № 12 имени Кирова.

В походе

Прошлым летом в нашем лагере был вожатым Юра Кучеров. Жили мы там

очень интересно. Много придумывал Юра, а ещё больше — мы сами. Я сначала даже удивлялась, глядя на некоторых знакомых девочек. В школе им всё казалось скучным, а здесь они стали совсем другими.

Конечно, много значили новая обстановка, живописная природа и весёлый отдых. Но самое главное — с нами был Юра. По-моему, с ним всё интересно, даже такое скучное дело, как уборка лагеря. Юра, например, объявлял, что отряд, который первым закончит уборку, имеет право сделать на расчищенном месте всё, что захочет. Ребята начинали придумывать, спорить и торопились скорее закончить работу. И как же было потом интересно, когда победители устраивали свой отрядный шалаш или спортивную площадку или разбивали какой-нибудь необыкновенный цветник!

Когда я была председателем совета дружины в школе, то часто обижалась на ребят. Скажешь кому-нибудь: «Нарисуй заголовок для стенгазеты», — а в ответ слышишь: «Красок нет», «Кисть плохая», «Бумага не годится». Может быть, правда, и краски плохие, и кисть не годится, но всё-таки дело не в этом. Просто человеку не хочется. Вот я вспоминаю наш лагерный костёр. У нас ничего не было — ни костюмов, ни декораций, ни денег, чтобы купить их. А костюмы у нас были замечательные. Шестнадцать отрядов выступало на костре, и каждый отряд был одет по-своему. Особенно мне запомнился отряд девочек в грузинских костюмах. Все тридцать пионеров были одеты, как одна: все в белых длинных платьях с красивыми узорчатыми жилетами, с блестящими диадемами и бусами. За плечами у них развевались лёгкие, прозрачные покрывала. А из чего всё это было сделано? Диадемы — из картона, бусы — из лесных ягод, а белые платья — даже не платья, а обыкновенные простыни. Мальчики из младшего отряда щеголяли прекрасными лакированными сапогами. Наши гости просто ахнули, когда увидели их. Но эти сапоги были с «секретом»: прямо на тапочки надевались картонные голенища, выкрашенные в чёрный цвет.

По-моему, всё было так интересно потому, что и придумывали и делали всё сами ребята.

Юра часто говорит, что любит самостоятельных ребят. И он старается сделать своих пионеров самостоятельными

людьми. Один раз мы пошли в далёкий поход с ночёвкой. Пошло пятьдесят ребят. Вёл колонну один мальчик. Он был начальником похода. Я была тогда комиссаром. Мы выпускали походные листовки, устраивали беседы, концерты, у меня было двое связных на велосипедах. Они отвозили в наш лагерь донесения. В походе всё делали сами ребята.

Юра, конечно, был с нами, только он шёл, как самый рядовой пионер. Юра очень хорошо знал дорогу. Перед походом он взял трёх мальчиков и прошёл с ними по этому пути. Теперь эти три мальчика были нашими разведчиками и шли впереди всех. Только один раз Юра вмешался в распоряжение начальника похода. Вот как это произошло.

По заданию, две наши девочки пошли в лагерь, мимо которого мы тогда проходили. На обратном пути они заблудились. Кто-то разметал дорожные знаки, которые мы им оставили. А в этих местах легко заблудиться: леса тянутся на десятки километров, много болот. Девочки вышли к болоту и растерялись. Куда дальше идти?

В это время в небо взлетело три красных ракеты. Это Юра велел выстрелить из ракетницы, подать сигнал девочкам. А начальник похода хотел послать на поиски разведку. Юрино предложение было гораздо лучше. Девочки скоро нашли нас.

Юра очень доверяет ребятам. Но он ни

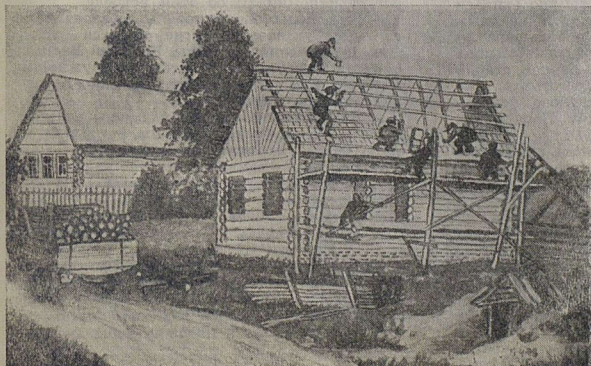
когда не прощает лжи или обмана. Однажды два мальчика самовольно убежали из лагеря к реке. На вечерней линейке дежурный по лагерю велел этим мальчикам выйти из строя и рассказать, как было дело, но они заранее сговорились между собой и стали говорить, что они не ходили на речку. Тогда Юра сказал:

— Вы знали, что у нас опасная река: там много водоворотов. Вы знали, что бегать туда в неурочные часы запрещено. Но всё-таки вы это сделали. Скверный поступок! И всё же его можно ещё было бы простить, но то, что вы перед лицом всей дружины говорите неправду, что здесь, у нашего красного знамени, стоите, как трусы и обманщики,— этого простить нельзя! Я исключаю вас из лагеря.

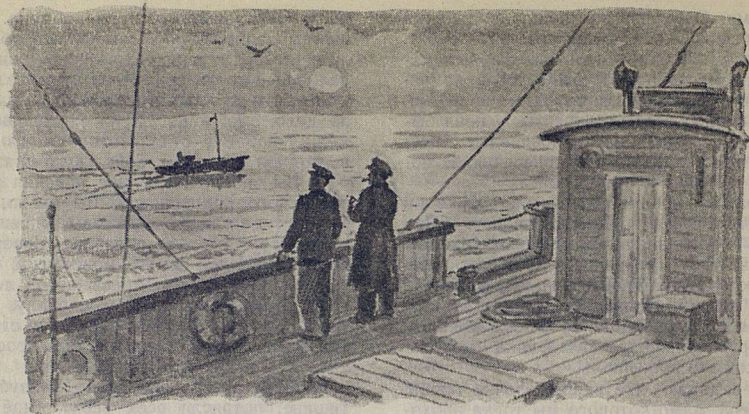
Эти слова, произнесённые в глубокой тишине, потрясли всех ребят. Ещё так недавно мы читали «Молодую гвардию», и сейчас многим вспомнились герои-краснодонцы. Никто не заступился за этих мальчиков. Нам даже не было их жаль. Только наутро, когда они сядились в повозку, чтобы уехать из лагеря, стало их жалко, но мы чувствовали, что это справедливо.

Вступив в комсомол, я особенно часто стала вспоминать Юру Кучерова. Он, даже ещё когда сам был учеником, умел быть организатором и вожакom ребят.

Лора Ямпольская
Ленинград, 188-я школа.

«Стройка в колхозе», акварель Володи Соколова (город Калинин).

Судьба одного корабля

«Термин «корабль» употребляют преимущественно по отношению к военному судну...»
(Из морского словаря.)

Фаскиз А. Некрасова

Рис. Б. Винокурова

Бывает так: встретишь человека и пройдёшь мимо, а потом вдруг узнаешь о его делах, о подвигах, о приключениях, одним глазком заглянешь в беспокойную его судьбу — и обидно станет, что не рассмотрел, не узнал поближе этого человека.

Вот такой случай вышел недавно и у меня, только не с человеком, а с кораблём.

Было это на Каспии. Мы шли полным ходом на север. Солнце ещё не встало, но было уже светло. Вдруг где-то слева послышался нарастающий стук мотора. Потом неясным силуэтом обрисовался корпус небольшого судёнышка, и, раздирая клочья тумана, вышел прямо на нас одномачтовый баркас старой постройки. В Каспийском море сотнями промышляют такие баркасы, и я безо всякого интереса провожал его взглядом. Баркас, как баркас.

Он торопился куда-то, и за ним, как собака за возом, высунув чёрный нос из-под рыжей копы дублённых сетей, бежала на буксире большая лодка.

Упрямо растакивая свинцовую воду, судёнышко прошло у нас за кормой, раза два лениво качнулось на нашей волне и пошло дальше своей дорогой навстречу утру. «Комсомолец», — прочёл я выцветшую надпись на кормовой доске...

В это самое время лёгким вздохом пролетел над водой ветерок, плотный холмистый туман заворочался коричневыми клубами, море вспыхнуло розовыми бликами, и, ещё

не увидев солнца, мы поняли, что, поднявшись над горизонтом, оно плёт нам свой утренний привет.

На палубу баркаса вышел стройный парень в полосатой тельняшке. Он осмотрелся кругом, прошёл на корму и на коротком флагштоке поднял красный советский флаг.

Я взобрал на мостик, а когда обернулся, судёнышко уже растаяло в тумане, и только частые вздохи болидера¹ ещё несколько минут напоминали об этой встрече.

— За сеждёй? — спросил я безразлично, взглядом указав туда, где скрылся баркас.

— За килькой, — ответил Василий Васильевич, наш штурман, полвека прослуживший на Каспии и знавший тут, как он сам говорил, каждую шепку.

— За килькой, — повторил он, — килька — тоже рыба. А, между прочим, — добавил он, — помолчай, — славный корабль!

— Корабль? — удивился я.

— А что же вы думаете? Корабль! И при том почтенного возраста — двадцать девять лет на воде...

— Ого! — сказал я с уважением. — Значит, девятнадцатого года постройки?

— Выходит так, — согласился Василий Васильевич и, помолчав, вздохнула о чём-то.

Он всегда так вздыхал, вспоминая о прошлом, и почти каждый раз такой вздох служил предисловием к новой морской истории.

¹ Болиндер — судовой двигатель устаревшей системы.

Черные паруса

— Да, — сказал Василий Васильевич, помолчав, — **девятнадцать лет... Война, тиф, голод...** С запада шёл на нас Деникин, с востока — Колчак, а здесь, в море, хозяйничал тогда английский адмирал Норрис. Конечно, свой флот англичане сюда перегнать не могли, зато каспийские корабли прибрали к рукам, на торговых пароходах поставили пушки и всей армадой грозили ударить по Астрахани.

Тревожное было время. Англичане крепко вцепились тогда в нашу нефть, трудно было их сбросить. Но как ни прочно сидели они в Баку, сами понимали: сидят, как воры в чужой квартире: вот-вот придёт хозяин. Они завели больше строгости: повсюду посты, патрули, пикеты, и, конечно, выход в море был под строгим контролем.

В то время в Баку жил один хитрый грек, по фамилии Триандифилиди. Когда-то бегал он в рваных шлёпанцах по базару, торговал рыбой вразнос. Потом вдруг раздобыл, полез в гору, завёл собственный рыболовный флот и стал промысливать в море.

С англичанами у него было старое знакомство. Ещё с царских времён он поступил на службу в английскую разведку. Заслуги его не забыли: сам Норрис принял грека, и с тех пор его баркасы выходили на промысел, как в мирное время.

Дела у грека пошали, он решил строить новые суда. Тогда и спустили на воду этот баркас, имя дали ему «Тритон», а шкипером грек назначил Николая Бичевина.

Николая я знал с мальчишек. Рос он сиротой. Морскую службу начал с восьми лет, и, конечно, немало линьков об него пообтрепали. Зато море он знал и дело знал.

А с греком свёл их нечаянный случай.

Как-то Триандифилиди с пьяной компанией поехал кататься, вывалился из лодки и пошёл ко дну. Николай оказался тут, рядом. Он вытащил грека за штаны, а грек в благодарность принял Николая на службу. Такой случай никак нельзя было пропустить, и партийный комитет дал Николаю задание — войти в доверие к хозяину. И это ему удалось вполне.

Николай и вёл себя соответственно: делал вид, что жмёт пот из команды, на берегу распивал холодное пиво с английскими кондукторами, в петлице стал носить английский флажок, — и бывшие друзья обходили Николая стороной: думали, продался. Так и говорили: «Шкура продажная!»

Недешёко было носить эту славу. Зато у английской разведки Бичевин числился в списках благонадёжных русских. В бакинском подполье таких было немного, и, конечно, их берегли для особых случаев.

Как раз в это время прова-

лилась группа бакинских ребят-подпольщиков. Дело у них обернулось круто. На бакинской земле места им не осталось, и вышло на выбор три дороги: либо на виселицу, либо в глубоком подполье скучать без дела до лучших времён, либо морем к нашим берегам. Конечно, выбрали они последнее, потому что ребята все, как один, подобались молодые, горячие, до конца преданные революции. Мечтали: скорее бы в дело, в бой.

Вот это дело и поручили Николаю. В команду ему подобрали надёжных ребят. Николай предложил хозяину, пока не готовы сети, заработать: отвезти в Персию бензин в бочках. Грек согласился.

«Тритон» взял отход и пошёл первым рейсом в порт Пехлеви. Так значилось в судовых документах. Но, конечно, в Иран Николай не поплыл. Отошёл миль двадцать и заглушил мотор. Ребята взялись за кисти, к вечеру перекрасили «Тритон», а паруса расстелили на палубе и из садовой лейки полили чёрной краской... Потом Николай повернул на север и пошёл к Артёму. Он тогда назывался Святым островом. Там на шляпке должны были ждать те ребята.

«Тритон» под парусами пришёл к Святому, но, сколько ни смотрели и в бинокль и так, шляпку не увидели.

Николай встревожился. Мало ли что могло случиться: не достали лодки, сбились с пути, арестованы... Но он твёрдо решил держаться до последнего.

После полуночи ветер начал спадать. Николай приказал разогреть мотор, а сам всё шагал по палубе и, когда уже совсем рассвело, тут только увидел шляпку. До неё было меньше миль, а ещё за полами стеной стоял туман...

«Тритон» повернул к шляпке, и тут Ни-

А «Тритон» тем временем на всех парусах шёл своей дорогой.

колай увидел английский катер с пулемётом на носу. Раздумывать было некогда. Николай дернул сигнальный шнурок, горячий мотор завёлся сразу, и «Тритон» пошёл навстречу шлюпке. Ребят с полного хода приняли на буксир, и в тот самый момент, когда катер вышел из-за косы, баркас врезался в туман. Ушли! Радости тут было без меры. Пожалуй, один Николай пони-

маю, что их ждёт впереди, но и он молчал: не хотел портить ребятам праздник, — а сам полным ходом гнал подальше от греха, прямо на север.

На пятые сутки вышли к Мангшпаку. Ночь выдалась безудная, бурная. Это было им наруку. Заглушили мотор, встали под паруса и взяли курс прямо к двенадцатифутовому рейду. Проскочить тут и было самое трудное. Через всё море днём и ночью здесь ходили английские корабли. Но «Тритон» шёл, ни с кем не встречаясь, и с каждой милей ребята крепче верили, что всё сойдёт хорошо.

Вдруг сразу в трёх местах, отсвечивая на гребнях, зашарили прожекторы. Будь на «Тритоне» белые паруса, тут бы ему и конец! А так сошло, не заметили. Николай подал команду. Ребята выкатили из трюма две бочки бензина, погрузили на шлюпку, Николай отмерил бикфордов шнур на пятнадцать минут горения, один конец сунул в

бочку, другой запалил и острым ножом напроць отхватил буксир. Отошли. Шлюпка осталась за кормой... Тут блеснул в темноте огонёк, разросся вширь, ввышину и заполыхал факелом.

С трёх сторон кинулись к нему щупальца прожекторов. Осветили чёрные каубы дыма, и все три корабля полным ходом пошли к месту происшествия. А «Тритон» тем временем на всех парусах шёл своей дорогой.

Я в ту ночь был в дозоре на катере. Мы тоже видели далёкое зарево в море. И прожекторы видели.

А под утро, в самую собачью вахту, вижу: идёт с моря этакое чудische с чёрными парусами.

Ну, дал для остротки очередь из пулемёта. Они обронули паруса. Подожёл, узнал Николая... Расцеловались. Поделались новостями и разошлись: они—являться к Сергею Мироновичу Кирову, а я дальше—в дозор...

Ну, конечно, к месту пришёл нам этот бакинский подарок. Бензин заприходовали. Баркас зачислили в дивизион, подняли на нём красный флаг и через всю корму написали: «Комсомолец». А ребята на другой день надели бескозырки со звёздами, взяли в руки винтовки и пошли воевать...

Василий Васильевич глянул на часы и на полуслове оборвал рассказ: вахта подходила к концу, а он ещё не сделал запись в журнале.

Я спустился в каюту. Но какое-то беспокойство выгнало меня на палубу, и, глядя на синие волны, на тающие в небе облака, на больших белых птиц, сотнями кружившихся над морем, я всё думал об этой истории. И я решил разузнать, что же дальше случилось с тем славным судёнышком.

Б у р я

Отыскав нужный номер, я вошёл во дворик и по утлой лесенке, похожей на пароходный трап, поднялся на галерею, увитую зелёным густым виноградом.

Меня встретила чистенькая седая старушка с книжкой в руке...

— Витечка в Москве, — сказала она сокрушённо. — Вчера только уехала: вызвали в министерство... А вы, простите, по какому делу к Виктору Захаровичу?

Трудно было объяснить моё дело, но старушка неожиданно быстро поняла, что мне нужно.

— Ну, как же, знаю, — перебила она, — только тут мне вам трудно помочь. Однако постойте...

Она провела меня в прохладную комнату, усадила в глубокое кресло и, открыв ставни, принялась рыться в ящиках стола.

— Вёдь это как вышло, — приговаривала она, пробегаая близорукими глазами какие-то бумаги. — Тогда строили Тракторный завод в Сталинграде. Со всего Союза набирали туда комсомольцев. Мой Витя и товарищ его Володя в один голос: в Сталинград, да в Ста-

линград! А они в ту весну только закончили мореходное училище: Володя — судоводителем, а Витя, как и отец, — механиком. Их и отправили по специальности вместе с баркасом «Комсомолец». И команду набрали — одних комсомольцев... Да вот стойте. Будто оно. Оно и есть! — сказала старушка и протянула мне плотную папку пожелтевших листов, исписанных убогими почерком.

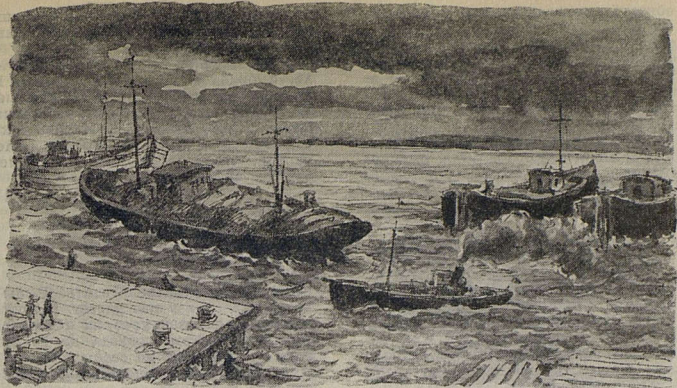
«29 мая 1929 года
Сталинград

Здравствуй, сестрёнка!

Ты всё просишь писать подробные письма, а мне и открытку опустить было некогда. Ну, не было бы счастья, несчастье помогло! «Комсомолец» стоит в капитальном ремонте, я — в больнице. Да спасибо, что так, могло быть хуже.

Как мы шли сюда, ты знаешь. А теперь напишу про Сталинград. Что тут делается, невозможно рассказать. У пристани народу, как на Больших Исадах¹ в базарный день. Все с котомками, с сундучками. На берегу

¹ Базар в Астрахани.

Володя во время ввёл баркас между баржей и сваями...

костры. На строительной площадке у нас и вовсе глаза разбежались.

Тут была бахча. А сейчас идёт стройка. Везде пути. Везут лес, металл, песок. Земля перекопана. Тянут провода, кладут трубы. Стоят готовые корпуса, тут же строят бараки, а рядом уже разбивают цветники. Шум такой, что из города слышно. Бьют сваи, гудят паровозы, трещат тракторы. Все куда-то спешат, всем некогда, и нам сначала показалось, что мы тут лишние. Но нас давно ждали, и в тот же день мы начали работать.

Первые дни водили плоты. Потом возили рыбу, зерно, один раз ходили на паточный завод в Дубовку, привезли арбузный мёд. Вот уж вспомнил я мамини коврижки!

Ну, а нам здесь не до коврижек!

Тут очень плохо с разгрузкой. Нехватает рук: все на стройке. Мы обдумали это дело и всю погрузку обязались производить силами команды. Простой, конечно, меньше, а нам туго: день и ночь в работе. Тут, как на войне. Всё срочно, всё скоро, всё — боевое задание.

Так работали до 23-го числа. В тот день ходили за фуражом. Взяли полный трюм сена в тюках и пошли назад. Груз, как всегда, срочный! Коняги всё подъели, и начальник транспорта сам нас провожал: «Не подведи-те, мол, комсомольцы, проявите хорошее отношение к лошадям».

Ну, мы и гнали поланым ходом. Я был в машине. Смотрю, покачивает. Потом Владимир дал «стоп» и отдал якорь.

Я вышел. На реке ад крошечный! Воды не видно. Всё бурлит, как в котле, и пена ключьями хлещет по бортам.

Пароходы, баржи, катера — все повернулись на якорях и низко кланяются левому берегу. А оттуда, как туман, идёт горячая пыльная мгла. Солнце стало красным, зловещим. Я запустил машину малым ходом, чтобы не сорвало с якоря. А справа от нас стояла стальная баржа со станками-тяжеловесами. На стройке с осени ждали этих станков.

Баржа и устояла бы. Но тут беляна¹ с лесом сорвалась, навалила на неё и, сплывшись, обе двинулись к берегу, к новой эстакаде. А справа от эстакады забиты железные сваи. В полую воду их не видно, но мы о них знали и поняли, что баржа кормой съедет на сваи, пропорет днище и пойдёт ко дну. Мы с Владимиром переглянулись и без слов поняли друг друга.

Я мигом принёс из машины зубило, взял молоток и стал рубить якорную цепь. Обрубил, а сам назад, в машину.

Что было потом, я не видел. Но, видимо, Владимир маневрировал наилучшим образом, потому что очень скоро крикнули борта. Больше я ничего не помню. Потом я узнал, — всё так и было, как мы задумали: Володя во время ввёл баркас между баржей и сваями, весь удар мы приняли на себя, и «Комсомольцу», бедняжке, досталось здорово. Пробило борт в двух местах, и как он выдержал вообще, — это чудо. Баржа-то — сорок тысяч пудов! А меня в момент удара оглушило лопнувшей стойкой, и я был без сознания.

Очнулся минут через сорок. Шквал уже промчался, ветер утих. Я услышал голоса начальника транспорта. Он сгоряча отругал Володю за то, что мы подмочили сено, а потом стал хвалить за спасение баржи.

Вот и всё, сестрёнка. Потом меня отвезли в больницу, рану на голове зашили и через неделю выпишут. Теперь всё благополучно, станки уже разгрузили. А «Комсомоль-

¹ Беляна — баржа для перевозки леса.

да» мы обязательно восстановим и ещё поплаваем на нём.

А что у вас? Пиши мне обо всём. Поцелуй маму, кланяйся друзьям. Зайди в горком комсомола и скажи, что астраханские ребята в Сталинграде не подкачали.

Жду писем. С комсомольским приветом твой брат Виктор».

— Вот какая история! — сказала старушка. — Тогда дочка от меня всё это скрыла. А шрам у Витечки так и остался, хотя под волосами

не видно. Вот посмотрите, — и старушка, сняв со стола большую фотографию в рамке, с гордостью протянула мне.

С фотографии глядел моряк в белом кителе, с орденом Ленина на груди. Широкое лицо избородили морщины. Тёмные волосы на висках посеребрила ранняя седина, и если бы не глаза — весёлые, чуть-чуть с хитрецей, с юношеским задором, — трудно было бы поверить, что это тот самый Витя-механик с баркаса «Комсомолец».

Наша взяла

Летний день догорел. Солнце село. Звёзды, большие и яркие, гляделись в зеркало неподвижной воды. В их скупом свете трактор «СТЗ», уставший за день, казался допотопным чудовищем, заснувшим у водоёма. Было очень тихо. Чуть слышно шипел тусклый, травяной костёр. Изредка всплывала рыба. Тёплый ветерок, едва тянувший с моря, заботливо обволакивал нас плотным пологом пряного дыма, и лихие комары, с боевыми песнями налетавшие со всех сторон, отступали назад, в темноту... Вдруг посыпались шаги. К костру подошёл плотный мужчина лет сорока, в высоких рыбацких бахилах, в ватной куртке и в кожаном картузе, сдвинутом на затылок.

— Вот и дождались! — сказал тракторист. — Это и есть председатель, товарищ Хаметов Александр Командирович.

Хаметов присел на корточки, достал из картуза треугольный листок бумаги, свернул «козью ножку» в палец толщиной и затыкнул душой махоркой.

— Ну что ж, — сказал он, — рассказать можно, ночь длинная... Вы у нас в «Маяке» были? Видели наше хозяйство, и клуб наш видели, и школу, и сад? Может, слышали: прошлый год взяли мы по 702 пуда на чело-

века! Думаем больше взять. Рыбы в море хватает, а сила у нас растёт. К примеру: тот год сорок человек урез на неводе тянули, а теперь, — Хаметов показал на тракториста, — один управляет на своём «СТЗ». Улов разгружать — рыбососы есть, рыбу в море искать самолёт посылаем...

А раньше ничего этого не было. Ведь тут как: крупных хозяев, тех, что ворочали миллионами, революция сразу спихнула.

А кулак ещё долго держался.

В тридцатом году, весной, вызвали нас в окружком партии.

— Вот что, — говорят, — ребята. Все вы рыбаки, все комсомольцы. Покажите пример, сколотите колхоз.

Мы взялись. У кого что было, всё сложили вместе. Колхоз назвали «Маяк революции», построили волокушу, взяли тонь, промышленяем. На тоне и жили, как цыганы на берегу.

Вот как-то встречает меня инструктор из окружкома.

— Слушай, — говорит, — Хаметов, сходи на Кутум да посмотри там баркас. Называется «Комсомолец». Его по дешёвке можно купить, и деньги не сразу.

Посмотрел я. Так себе баркас, видать, поработал, зато цена подходящая. За такую пену и байдю не купишь...

Ну и взяли мы тот баркас. Идём, я за шкипера. Идём — и сердце радуется: свой моторный флот завели! Теперь нас голыми руками не возьмёшь!

Пришли на тонь. Девчата спили красный флаг, палубу надраили с песком. А мне не терпится — ловить. И в первую тонь нам счастье: икрыная белуга пудов на сорок! На лодку её. Старой сетью опутали и в гор-род живём!.. Как раз той белуги хватило нам купить лесину для мачты и холст на паруса...

И совсем по-другому пошли у нас дела. В

...Повис и давай борт рубить у самой воды.

народе совсем другой пошёл разговор: хоззевы правильные!

На нас глядя, ещё в районе сбился один колхоз, «Завет Ильича». А там и ещё...

Наша взяла! Кулаки это тоже поняли. Притаились, пробрались кое-где в колхозы, и пошла у нас тайная война. В то лето частенько слышали: там арканы подрезали, там колхозный невод сгноили, там баржу с солью посадили на мель, а пока снимали, зелёная муха улов погубила...

Ну, да мы-то не боялись! У нас, в «Маяке», всё свои, комсомольцы, все друг друга не первый год знаем. К осени нас по отчеству начали величать. Я уж стал Командировичем. Я татарин, по паспорту Искандер Кемальдинович, имя с мальчишек переделали, а отчество до тех пор никто и не поминал.

Вот однажды был я вдвоём с мотористом в городе с рыбой. Встал в Кутуме, сходил на Исады, купил два топора. Тут догоняет меня один рыбак, просит отвести керосин к ним в Икрыное. А я такой: просит человек — надо помочь. Стал грузить. Крепкие бочки — в трюм, две чуть-чуть подтекали — те на нос. Прихватил их стальным концом — и пошёл. Пришли к ночи. Тот рыбак ушёл за людьми — разгружать.

Час проходит, другой. А темь страшная. Холодит. Наскучило мне ждать. Послаа моториста поторопить.

Только ушёл моторист, слышу кто-то гукает:

— Хаметов, ты, никак? Иди-ка, слушай, Командирович, сюда, подмогни малость!

Как тут не пойти? Вылез на пристань, пошёл. Иду аккуратно. Оступись, ногу сломаешь.

Тут слышу, будто с пристани кто-то бежит. Обернулся, гляжу: где стоит «Комсомолец», — огонёк. Я назад. Подбегаю. Носовая палуба вся в огне... Сейчас пристань займётся. Подождги, дьяволы! «Пропал баркас, пристань нужно спасать!»

Прягнула, отдал кормовой, а до носового как доберёшься? Огонь!.. Топор бы! Тут вспомнил: у меня их два в рубке лежат. Шанкой

закрылся, шагнул в огонь. Волосы затрепачали на голове. Рубанул с плеча... Отступил, оганулся. «Комсомолец» плывёт по течению, бушлат на мне горит. Притушил. Баргом отпихнулся подальше. Теперь баркас нужно спасать. Бочки бы сбросить. — топор не берёт: тростальный, сам вязал. Обвязался концом — и за борт. Повис и давай борт рубить у самой воды.

Борт крепкий, дубовый. Всё равно рублю! Сперва тихонько, потом ходом побежала вода в трюм. Садится «Комсомолец». Я топор вонзил и попала к берегу. Обернулся. Нет «Комсомольца»! Только вспыхнуло ещё на воде. И сразу темь кругом и холод такой, думал, не доплавлю. Тут спасать меня вышли. Всё Икрыное на берегу... На другой день приехали наши ребята, поставили ворот, завели концы ташить. Так и подняли судно с топором в борту. Двигатель перебрали, борт залатали, домой пошёл. И того поджигателя нашли потом. Их тут целая банда была, всех вывели на чистую воду!

А «Маяк» наш всё светит. Пообстроились, сами повыросли. У других уже внуки есть. А живём попржнему дружно.

Тот баркас ещё плавал у нас. В сорок первом только забрали его на войну...

Александр Командирович посмотрел на звёзды, свернул новую цыгарку и закурил.

— Однако нужно и отдохнуть, — сказал он, — к рассвету приедет бригада, посмотрите, как работает.

Он подбрёл свежей травы в костёр, подложил под голову сумку, надвинула картуз на лицо и заснул в ту же минуту.

Переправа

С капитан-лейтенантом Южным мы встретились в офицерском клубе. Небольшого роста, худой, подвижный, он был очень молод, и чёрные усики баником не делали его старше. Морская форма удивительно ловко сидела на нём. Он, видимо, сам понимал это и носил её со вкусом.

— «Комсомолец»? — переспросил он. — Ну как же, служил я «Комсомольце». Ровно двадцать четыре часа... Вот, — сказал он, чуть тронув мизинцем ленточку ордена Красной звезды, — это за «Комсомолеца». А было это на Волге, в Сталинграде. Пришли мы туда в самые горячие дни. Но об этом рассказывать бесполезно. Кто там был, знает сам. А кто не был, всё равно не поймёт.

Ночью было светло, как днём, от пожаров. Днём темно, как ночью. Тогда ещё горела нефтебаза. С неба хлопьями валила сажа, как чёрный снег. Копоть, дым, на реке чёр-

ная пена. Посмотришь на город — дома словно притаились, пригнулись под артогнём. Небо тяжёлое, как броня. Земля взлетает фонтаном.

В Сталинград мы доставляли боеприпасы, продовольствие, людей. А оттуда — всегда только раненых. Немцы каждый раз встречали и провожали наш бронекатер ураганным огнём. Но нам везло: девятнадцать рейсов без единого попадания. Раз отрезали мы туда отряд санитаров и двух девушек — красочей. Одна — постарше, а другая — совсем молоденькая, восторженная такая, с комсомольским значком на груди.

А на обратном пути немцы двумя попаданиями так украсили рубку и бронепалубу, что пришлось катер ставить в ремонт. Можно было и нам пойти со своим кораблём, но в то время кто же по доброй воле покидал Сталинград?! Мы подали рапорты, а наутро

я уже получил назначение: механиком-дизелистом на новый корабль.

Новый корабль не очень меня порадовал: корпус деревянный, двигатель дупотопный. В общем кораблик бывалый. Только название молодое: «Комсомолец».

Я тогда тоже был комсомольцем, командир был комсомолец — мичман Ласточкин. Экипаж — два старшины рулевых, пулемётчик и два машиниста — всё молодёжь. В тот же день мы пошли на задание.

Дали нам полный груз пулемётных лент, посадили взвод пехоты и пожелали счастливого плавания.

И представьте, дошли! Два бронекатера вышли для демонстрации, оттянули огонь, нашему «дренууту» немцы сперва не придали значения, а когда спохватились, мы уже скрылись под бережком и пристали пониже Тракторного.

Обычно нас встречали на берегу. Если не команда, то хоть связной, а тут никого.

Вдруг: та-та-та... зацокали пули, и видим: с горы спускаются фрицы-зэсовцы, человек пятнадцать. Сапоги блестят, пилотки у всех засунуты под портупеи, и у каждого автомат на ремне.

Откуда-то сбоку стеганул пулемёт и замолчал. Немцы разбежались, а двое остались на земле. Один так и не встал, другой вдруг приподнялся, дал очередь, и, нужно же, угодил мне в левую ногу, пониже колена. Наш пулемётчик пришил его к месту. Я добрался кое-как до судна, сделал перевязку, сижу.

Вдруг бежит слева связной. Оказалось, две свежие роты зэсовцев с танками прорвались тут к самой Волге, а у наших все патроны кончились.

Мичман Ласточкин принял решение: сняли с «Комсомольца» пулемёт, подхватили ленты и с бойцами и со своим экипажем все туда, бегом. А меня оставили одного на корабле.

Бой шёл рядом, за домами, но мне с палубы не видно. Только шальные пули фыркают поверху. Наши бьют редко, на выбор. А немцы так и стрекочут. Потом слышу: «Максим» заговорил. Другой откликнулся, третий. Не зря старался «Комсомолец», во-время ленты привёз. Я стал греть мотор. Выглянул, вижу: идут санитарки, и у каждой на буксире лодочка-волокушка. Привезли раненых одиннадцать человек. И та, молоденькая, военврач, тоже с ними. Обмундирование в пыли, в крови. Лицо чёрное от копоти, а сама серьёзная, строя.

— Скоро можете отойти? — спрашивает она.

— Вот придёт командир корабля, мичман Ласточкин, тогда и пойдем.

— Мичман Ласточкин не придёт, — говорит она. — Он ранен. Рана тяжёлая, в голову.

Как вышли из-под берега, сразу и началось...

— Идти всё равно нельзя, — говорю я, — не могу же я идти без рулевого.

— Я сама встану к рулю.

Посмотрел я на Волгу. С того берега рвётся к Сталинграду отважный катерок. Немцы бьют по нему ураганным огнём, вся вода кипит от разрывов. Ну как в такой обстановке ставить её к рулю? Первым же снарядом накроют!

— Вот что, — говорю, — подождём до вечера. В темноте как-нибудь проскочим.

— Невозможно, — говорит она, — у меня здесь все тяжёлые. Я на час не могу их оставить без хирургической помощи. Не имею права.

— Ну, а ваша жизнь? — говорю я. — Ведь почти нет надежды.

— А мы, товарищ мичман, не в счёт, — говорит она, — мы солдаты и комсомольцы. Поехали!

Подвёл её к штурвалу. Показываю:

— Так вправо, так влево. Ехать нам вон туда, видите, кусты, а правее их воложка? Если доберёмся туда, метров за тридцать от берега дерните этот шнурок. Это сигнал, я останавливаю машину. Понятно?

Она кивает.

Нога у меня распухла, стоять невозможно. Я с колена отпихнулся багром, развернул «Комсомольца».

— Ну, — говорю, — теперь держитесь, не зевайте!..

И как вышли из-под берега, сразу и началось. Как ухнет, как даст под бортом, ну, кажется, всё! Только нет, вижу цель, идём... Зашли уже в воложку. Огонь прекратился, рука у меня на регуляторе, жду сигнала...

Вдруг бом, бом, бом, и тут же слышу, лезем носом на берег. Хорошо, там песок. Не выдержали нервы у моего капитана. Как опасность миновала, забыла про сигнал. За два метра от берега только и вспомнила.

Выполз я из машины. А Валя (сё Валей зовут) стоит в рубке, держится за штурвал и плачет горькими слезами.

Машина времени

Маленький ялик лениво полз по сверкающей бухте. Перевозчик, старый лезгин в чёрной мохнатой папаче, едва макал вёсла в воду, согретую солнцем. Он рассказывал что-то про давние годы, про Терек, про Дагестан. Я не слушал. Заметив это, старик замолчал и сказал укоризненно:

— Ишь, как скоро нужно! Не спеши, завтрашний день не догонишь, а сегодня поспеешь...

И я сам знал, что теперь поспею. Но мне не терпелось, и я ещё издали крикнул, как кричат моряки:

— На «Комсомольце»!

— Есть на «Комсомольце»! — откликнулся женский голос.

Светловолосая девушка в ярком ситцевом платье, заслонившись от солнца рукой, посмотрела на нас и спустила с борта трапик.

Я поднялся на палубу судна, о котором так много узнал за эти дни.

Так бывает в музее: смотришь на простые, маленькие вещи, а видишь большие, необыкновенные дела. Вот тут, в рубке, плакала Валя, закончив свой беспримерный поход... Там, на полубаке, Искандер Хаматов один на один воевал с огнём... На этой лебёдке Виктор рубил якорную цепь... Отсюда, с палубы, Николай Бичевин всматривался в тревожную темноту бурной ночи... Удивительно ясно стали передо мной прошлые героические годы и все эти люди, связавшие с «Комсомольцем» свою беспокойную, молодую судьбу!

И вдруг стало обидно за маленький, славный кораблик. Как-то уж слишком обычно выглядел он сегодня: в рубке на столе спал раскормленный рыжий кот; беспомощно раскинул полосатые руки на спицах штурвала, сохла чья-то штанная темяшка; на компасе, прямо на стекле, лежала раскрытая книжка...

— Все внизу, вы спуститесь, — сказала девушка.

Внизу, в тесном кубрике, четыре круглых окошечка были открыты настежь, и солнечные зайчики, отражённые морем, весело играли на койках, укреплённых по бортам.

За столом сидело семь человек. Молодые, загорелые, взволнованные, склонившие над грубо набросанным чертежом, они спорили о чём-то так горячо, что даже не заметили моего прихода.

Станный у них был спор: «Вольтаж...

Эти баркасы вертялые, рыскающие, особенно порожнем. И, конечно, с первого раза на курсе не удержишь «Комсомольца».

Это нас и спасло: при таком беспорядочном курсе не прицелишься. Разрывы ложатся кругом, да всё мимо. А на берегу все диву давались: до чего лихой командир!

С «Комсомольцем» не знаю, что стало. Ласточкины выжил, вернулся в строй, сейчас на Балтике. А Валя в Ленинграде, в академии. Она мне пишет, но редко. Всё некогда, у них экзаменов очень много.

сопротивление... изолация...» Они бросали эти слова привычно, веско, и чем дальше я слушал, тем труднее было поверить, что спорят рыбаки: так могли спорить инженеры перед пуском электростанции.

Наконец меня заметили. Из-за стола поднялся рослый парень в голубой майке. Я сразу понял, что он здесь главный. Мы познакомились. Я узнал, что фамилия его — Рыбаков, а зовут Гришей.

— Так, — сказал он, — значит, разыскали нас. Ну что же, будете гостем. Посидите тут с нами или с Тамарой на палубе... А то, может, отдохнёте? — добавила он. — Вон там свободное место...

Отдохнуть мне очень хотелось. Сняв сапоги, я с удовольствием растянулся на мягкой койке. «Ампераж... нагрузка...» — доносилось сквозь сон. Потом я услышал возню на палубе, топот сапог, гром якорной лебёдки. «Комсомолец» пошёл, и, убаюканный лёгкой качкой, я снова заснул, на этот раз крепко.

Когда я проснулся, болидер молчал. В кубрике никого не было. Натянув сапоги, я поднялся на палубу. «Комсомолец» стоял на якоре. Над морем лежала ночь, безлунная и тёмная. Скупно перебрасываясь словами, четверо рыбаков спуускали на шлюпку тяжёлую катушку с толстым резиновым кабелем. Потом, один за другим, все четверо пропали за бортом. Слышно было, как они рассаживаются по местам.

— Ну, всё? — сказал кто-то. — Отдавай! — и, всплескивая вёслами, шлюпка пошла в тёмноту, унося на себе крошечный огонёк «лестучей мыши».

В такт ударам вёсел взвизгивала на оси катушка, разматывая за кормой кабель.

Минуту спустя кто-то крикнул из темноты:

— Порядок! Давай!

— Включай, Тамара, — сказал Гриша негромко. — Только нагружай постепенно, не сразу.

— Ладно, знаю,— сказала Тамара и спустилась в машину.

Потом что-то со свистом вздохнуло под падулой, захлебнулось, чихнуло... И вдруг, как пулемёт, затрещал мотор, вколачивая в тишину ночи чёткие удары отсечки...

— Смотрите,— сказал Гриша,— начинаем!

Сначала я ничего не видел. Потом едва различимая прерывистая полоса млечного света длинным пунктиром прочертила море. Она разгоралась всё ярче, всё светлее. Казалось, из тёмной воды всплывает бесконечная гирлянда голубых звёзд.

Но звёзды так и не всплыли: остановились где-то в глубине.

Гриша взглянул на море, прислушался к работе мотора и, посмотрев на часы, отметил время в журнале.

Потом он вынес обыкновенную электрическую лампу, укрытую тяжёлой, свинцовой решёткой, и на длинном резиновом проводе спустил её за борт. Щёлкнула выключатель. Лампа вспыхнула в глубине. Широким полукругом расплылось под водой сияние, похожее на свет луны.

— Вот и вся наша техника,— сказал Гриша.— Внизу в машине движок и динамо, а там,— он показал на море,— вот такие же лампы.

Я склонился над бортом и сначала увидел только этот зеленоватоголубоватый свет да кусок полводного борта, обросший мягкой зелёной «бородой».

Вдруг что-то блеснуло серебряной искоркой. Ещё... ещё... Со всех сторон из тёмной толщи воды собирались маленькие сверкающие рыбки. Они выплывали из темноты и, тесня друг друга, упорно стремились к свету.

— Вот и вся наша техника,— повторил Гриша,— и это не мы придумали. Так на Каспии не первый год ловят кильку. Собирают на свет и обвешивают неводом. Так много ловят, но больше всё-таки ловят ставниками... Вы знаете, что такое ставник?

Я, конечно, знал. По всему Каспию, там, где позволяют глубины, сгоят эти хитрые ловушки для рыбы. Сплошная стена из тонкой сети на длинных колях, забитых прямо в дно, тянется в море на сотни метров. Косяки рыбы, наткнувшись на такую стену, сворачивают в сторону и попадают во «двор» — огромный загон из сетей, установленный на колях и якорях. Заперев узкие ворота «двора», рыбаки стягивают рыбу в угол и, приподняв сети, «сливают» улов в лодки...

— Нашу бригаду,— продолжал Гриша,— с самого начала поставили на ставники. И мы ловили неплохо. Но, знаете, в наше время стыдно работать неплохо. Нам хотелось отлично работать, так, чтобы с нас другие брали пример. Вот... А я сам на войне был электриком, связистом. Здесь и воевал, на Кавказе, добровольцем пошёл... И, конечно, мысль об электролове мне давно не давала покоя. Но не так просто оказалось загнать рыбу в ставник.

— Ну, а если повесить во «двор» ставника такой вот фонарь?— сказал я.

— Что толку?— ответил Гриша.— Больше того, что придёт по стенке, всё равно не заманишь.

— Понимаю,— сказал я,— вы, значит, освещаете стенку.

— Нет,— перебил меня Гриша.— Вы смотрите: рыба откуда не уходит от света, а погасишь—разбредётся. Тут нужно было придумать, как сплошным потоком гнать её в невод... Качать из моря...

— И придумали?

— Придумали, только не сразу: больше года ломали головы. Бумаги извели чуть не центнер, и всё напрасно, пока не пришла одна простая мысль.

— Кому же?

— Тамаре, нашей мотористке. Стояли мы как-то в Махач-Кале. Тамара шла по городу, слышит, передают матч. А она у нас болеет за тбилиское «Динамо». И, конечно, остановилась у репродуктора. Тут, в Дагестане, народ горячий, знаете, как болеют? Целая толпа собралась. И вдруг замолчал репродуктор. Этот замолчал, а на другом углу говорит. И тогда все, кто тут был, так толпой и бросились на тот угол... А Тамара—в порт. Встала на мол, машет, кричит: «Нашла, ребята, нашла!»

— Не понимаю,— сказал я.

— Вот и мы сначала не поняли,— согласился Гриша,— а она тут же на земле нарисовала штурк десятку кружочков в линию. «Это,— говорит,— лампы». Вокруг кружков наставила точек. «Это килька». А потом зачеркнула крайний кружок. «Эту лампу я погасила. Куда рыба денется?» — спрашивает нас. Тут и нам стало ясно: ну, конечно, рыба всё перекочует к соседней, горящей лампе. А эту погасить—пойдёт к третьей... Так можно сплошным, нарастающим потоком вести рыбу куда угодно, хоть прямо на завод.

— Да,— сказал я,— замечательно, счастливый случай!

— Нет, тут не случай,— возразил Гриша,— тут главное—то, что Тамара неотступно думала о нашем деле. Мы искали новых путей и нашли—вот что главное. А случай, если его не ждать, а искать, непременно придёт!

Гриша поднял лампу из-за борта, выключил свет и пригласил меня выпить чаю. Мы спустились.

— Ну, пусть случай,— сказал Гриша, отставив пустую кружку.— Но мы за этот случай ухватились по случаю достаём разбитый движок, случайно раскопали сгоревшую динамомашину, случайно нашли провода... А получить разрешение, думаете, просто? Ведь мы на службе, у нас план, все часы на счету, а риск был, конечно, огромный. Но мы народ упрямый, настойчивый. Доказали, что мы правы. Нас поддержали, и вот ловим, как видите...

Когда мы поднялись, в море попрежнему лежал длинный световой пунктир, только в нём не хватало нескольких точек. Эта тёмная брешь медленно передвигалась слева направо. Я представил себе огромный клубок кильки, сгрудившейся у лампы. Вдруг лампа гаснет. Полная темнота кругом, и только откуда-то, издали, едва заметные, доходят отблески света. Плотным косяком килька плывёт туда, окружает рыбу, что раньше собралась здесь, и так, разрастаясь, от лампы к лампе, косяк приближается к воротам «двора».

А позади уже снова один за другим загораются подводные огни, и новые тысячи глухих рыбёшек собираются вокруг них...

Всю ночь работал движок, всю ночь рыбаки гасили и снова зажигали лампы. Гриша спал в рубке.

А потом наступило утро, волшебное, как все морские утра. Чуть заметно позеленел далёкий горизонт на востоке. Потом, так же незаметно, затлелась там розовая полоска... Темнота начала растворяться, уступая место прохладному полумраку. Потом обозначились волны, сначала близкие, потом далёкие, и вдруг высоко в небе вспыхнули светлые шатки дагестанских гор.

«Вот и догнали завтрашний день», — подумал я, вспоминая перевозчика.

«Шабаш!» — крикнул Гриша в машину, и мотор замолчал.

Тамара, в просторном комбинезоне с блестящими пряжками, вышла на палубу. У неё было лицо человека, хорошо сделавшего своё дело. Немножко усталое, с искоркой гордости в глазах.

Потом поехали за рыбой. Я смотрел, как тянут тяжёлые сети, как рыба сверкающим водопадом льётся в просторные лодки. Потом лодки приняла на буксир, и «Комсомолец», подняв якорь, полным ходом двинулся к берегу.

— Как улов? — спросил я у Гриши, стоявшего на руле.

— Нормально, — ответил он. — Если дальше так будем ловить, скоро приедем в пятидесят первый!

Я не понял.

— Мы теперь здорово перевыполняем план, — сказал Гриша. — За сорок девятый год уж всё поймали и теперь кончаем свою пятилетку. Живём в сорок восьмом, а работаем в пятидесятом году. Наш старичок «Комсомолец» — это наша машина времени...

Два часа спустя мы распрощались. Но уходить не хотелось, и, стоя на стенке пристани, я ещё долго говорил с Гришей.

— Это — ещё не всё, — сказал он, — мы, комсомольцы, народ беспокойный. Мы ещё кое-что придумали! Вот закончим свою пятилетку, начнём ставить новые опыты.

— Где? — спросил я.

Гриша хотел ответить, но тут болиндер, который до того только сопел да храпел с

Я смотрел, как рыба сверкающим водопадом льётся в просторные лодки.

заливом, выстрелил в небо тугим кольцом белого дыма и торопливо, всё чаще и чаще забормотал:

— Там... там... там... там...

Гриша скатал штурвал на борт и дёрнул сигнальный шнурок. Баркас грузно двинулся с места, бортом досуха выжал толстый верёвочный кранец, взмыли солёную воду за кормой и, важно переваливаясь с борта на борт, пошёл в открытое море, вперёд, к новым победам.

Я подождал, пока его мачта с выцветшим флагом скрылась за молом, и не спеша стал подниматься в гору.

Бригаду комсомольца Агаркова во время войны стали называть гвардейской. Агарков предложил новые стахановские методы работы, благодаря которым в бригаде освободилось несколько квалифицированных рабочих, а работа бригады ускорилась вдвое. На снимке: лауреат Сталинской премии Агарков со своей бригадой сваривает башни танков «КВ».

ПАША АНГЕЛИНА

А. Славутский

На самом краю села Старо-Бешево, среди пустыря, заросшего бурьяном, стояла вросшая в землю одинокая хворостяная хата. Эта хата принадлежала батраку Никите Васильевичу Ангелину.

Семья Никиты Васильевича была большая — восемь едоков. Батрак Ангелин ходил в лохмотьях, работал по чужим дворам, выращивал хорошую пшеницу, но не мог прокормить свою семью: земля принадлежала помещикам.

Советская власть отобрала земли у богатей и передала их трудовому крестьянству.

В 1925 году Никита Васильевич со своими сыновьями организовал товарищество коллективной обработки земли. Бывший батрак работал за троих: и в поле, и в кузнице, и на огородах.

— Человек всегда должен работать, — учил он своих детей. — Сколько дней будет в вашей жизни, столько вы должны работать.

Три года спустя в селе была организована первая сельскохозяйственная артель. Председателем её стал Никита Васильевич Ангелин. Все Ангелины пошли в колхоз. Они унаследовали от отца самое дорогое — любовь к труду, к хлебопашеству. Пятнадцатилетняя Паша тоже работала в колхозе. Паша скот, была конюхом, а затем стала дояркой. Она старательно ухаживала за скотом, берегла молодых.

Однажды тёмной осенней ночью на животноводческую ферму пробрались кулацкие сынки, чтобы уничтожить скот. Паша не растерялась. Одним ударом она сбила с ног здорового рыжего бандита, а другого столкнула в открытый люк, в котором складывала корм для скота, и закрыла его на замок.

Наутро, когда на ферму пришёл народ, Паша рассказала им о ночном налёте.

— Молодец! — восхищённо произнёс Никита Васильевич. — Ты, Пашенька, показала нам пример, как надо бить врагов колхозной жизни.

— Я новую жизнь строю, — ответила Паша.

Скоро Паша вступила в комсомол. Она очень много работала в колхозе и за работой как-то начала забывать про учёбу: неохотно посещала школу, мало читала. Ей стало трудно учиться, и она решила совсем бросить школу.

Об этом узнали комсомольцы. Пашу вызвали в комитет комсомола.

— Тебе стало трудно, Паша, и ты решила отступить, — сказал ей секретарь. — Но разве так поступают комсомольцы? Партия нас всегда учила бороться с трудностями, а не сдаваться, а ты... Ты подумай, достойна ли ты будешь строить новую жизнь?

Паша задумалась: достойна ли она будет строить новую жизнь? Да она только и мечтает об этом!

«Буду учиться, выучусь. Стране нужны мои знания!» — твёрдо решила она.

С тех пор никакие трудности не пугали Пашу. И чем труднее ей приходилось, тем решительнее добивалась она своего.

Шли годы. Резко менялся облик колхозной деревни. В деревню пришёл агроном. Появились новые, непривычные слова: «многополье», «свооборот». А главное — появился трактор.

И Пашей овладело одно желание — стать трактористкой. С детства видела она, как тяжело было её деду и отцу сохой обрабатывать землю, и она понимала, что значит для колхоза трактор. Нелегко было Паше осуществить свою мечту. Она была первой девушкой, севшей за руль. Её поднимали насмех односельчане: не женское, мол, это дело. Ей угрожали кулаки, но Паша продолжала изучать трактор. Воля, упорство и твёрдость характера победили. Зимой Паша училась в механизаторской школе, а в летнюю пору работала прицепницей.

Весной тридцатого года Паша уже работала на тракторе. Она водила машину не хуже опытных трактористов.

Но в колхозе не могли привык-

нута к тому, что за рулём трактора сидит женщина. Слишком живы были старые предрассудки. Паше выдали ударную книжку, премировали ценным подарком и... перевели кладовщиком на нефтебазу.

Но комсомолка Паша не сдалась. Она знала, что во всяком правом деле можно найти поддержку, и пошла к старому члену партии, начальнику политотдела Старо-Бешевской МТС Ивану Михайловичу Курову. Побеседовав с ним, Паша поняла, что бороться за новое надо не в одиночку, а коллективно. И она организовала первую в стране женскую тракторную бригаду.

Наступила весна тридцать третьего года. Машины были готовы выехать в поле. Трактористки завели моторы. Машины двинулись. И вдруг... за оковицей трактористкам преградила путь толпа женщин. Они наступали с криками: «Не допустим бабы машины на поля! Тяните Пашу: она у них главная!»

Паша попробовала успокоить толпу, но женщины подступали всё ближе. Тогда Паша побежала в село, в политотдел, за Куровым. Колхозники очень уважали Курова, и только его вмешательство успокоило женщин.

— Приступайте к работе, товарищ бригадир, — сказал начальник политотдела. — В счастливый путь!

Машины загудели. Началась пахота.

Вторые сутки работали трактористки. Работали без отдыха, почти без сна. На третий день утром в поле пришли деревенские ребята. Они принесли трактористкам буханки свежего хлеба, молоко, сало, масло.

— К вам в гости всё село собирается, — важно сообщили они.

— Неужто опять придут?! — встревожились трактористки.

— Вы не беспокойтесь, они с хорошим идут.

Вдали показалась толпа. Девчата заглушили моторы. Стало совсем тихо, и старый колхозник Степан Иванович сказал:

— Молодец, Пашенька! Молодцы вы все! Всем селом просим прощенья.

Земля, обработанная трактористками, принесла богатый урожай. За самоотверженный труд папиной бригаде было вручено переходящее Красное знамя политотдела.

Так получил право на существование первая в стране женская тракторная бригада.

аша приехала в Москву на второй Всесоюзный съезд колхозников. Здесь она встретилась с товарищем Сталиным. Когда ей

предоставили слово и она поднялась на трибуну Большого Кремлёвского дворца, Паша долго не могла начать свою речь. Но вот из президиума она услышала тихий голос Иосифа Виссарионовича: «Смелей, смелей, Паша!»

Эти отеческие слова ободрили Пашу. И потом, когда ей приходилось особенно трудно, Паша всегда вспоминала их.

Как-то во время перерыва товарищ Сталин поздравил с себе Пашу. Иосиф Виссарионович подробно расспрашивал её о том, как живут трактористы, какие книги читают колхозники, регулярно ли доставляют в полевой стан газеты. Паша обо всём рассказала товарищу Сталину и тут же от имени всей бригады дала ему слово выработать на каждый трактор «ХТЗ» по 1200 гектаров.

— Хорошо, товарищ Ангелина, — сказал Иосиф Виссарионович.

Ещё раз была в Москве Паша — на совещании передовиков сельского хозяйства. Там она услышала от товарища Сталина, что сейчас стране нужно ещё больше трактористов, что нужно готовить кадры. Для Паши Ангелиной и её бригады это была новая, большая задача: надо было не только отлично работать самим, но и других этому научить.

Бригада Паши превратилась в школу тракторного дела. В ней училось около пятидесяти девушек. И скоро в Старо-Бешеве работали трактористками, механиками и бригадирами больше ста девушек-комсомолок. Поля, обработанные ими, засеянные в лучшие агротехнические сроки, приносили невиданные урожаи. Добрая весть, как говорят, быстрее птицы летит. Следуя примеру старобешевских девушек, женские тракторные бригады начали создаваться в других районах и областях. В тридцать седьмом году на полях страны работало уже пятьсот сорок пять женских тракторных бригад. Ещё через два года Паша бросила боевой клич: «Сто тысяч подруг — на трактор!» Откликнулось двести тысяч.

ойна застала Пашу на полях родного колхоза, где она проводила каникулы (Паша училась в Московской сельскохозяйственной академии).

Немецкие разбойники грязными сапогами топтали украинские земли. Фронт приближался к Донбассу; Паше позвонили из Сталина. Обком партии предложил эвакуировать машины и людей на восток. Она твёрдо ответила: «Всё будет сделано».

С тяжкой тоской в душе оставляли трактористки родные колхозные поля.

Свой боевой стахановский опыт украинские

трактористки принесли в далёкий Казахстан. На полях колхоза имени Будённого, в ауле Теректа, они сразу сели за трактор.

Председатель колхоза не верил, что казахские земля может дать богатый урожай.

— Наша земля бедная, не то что у вас на Украине. Больше пяти—шесть центнеров не возьмёте, — говорил он Паше. — Мы пробовали, да ничего не вышло.

— Пробовать не будем, — ответила Паша твёрдо, — а возьмём больше. Казахская земля богатая. Только до жирности её не добрались!

И трактористки Ангелиной «добирались до жирности». Машины работали круглые сутки, глубоко вспахивая казахскую землю.

Колхоз имени Будённого снял по тридцать центнеров зерна с каждого гектара. Казахская земля дала в шесть раз больше хлеба, чем давала до войны. По семьсот трудней выработали Лёля, Надя, Марксина и Катя Ангелины. Более тысячи трудней заработала Паша. Трактористки снарядили караван верблюдов с хлебом в фонд Красной Армии.

Скоро в боевой стан пришла телеграмма из Москвы, от товарища Сталина: «Бригаде Пашы Ангелиной. Благодарю всех трактористок за заботу о Красной Армии и лично вам, Паша Ангелина, жму крепко руку. Иосиф Сталин».

Когда Красная Армия освободила Донбасс, трактористки вернулись в родное Старо-Бешеве.

За два года немецкого разбоя запустели колхозные поля.

Тяжело было биться за урожай. Мастерские по ремонту тракторов были разрушены, не хватало станков, не было запасных частей.

«Придётся ставить на трактор какие попало части», — говорили многие. Но Паша Ангелина и её трактористки были другого мнения. Они побывали на складах металлолома, где валялись остатки разбитой немецкой техники, а потом своими силами изготовили детали к тракторам.

Тракторы были отремонтированы хорошо и быстро. Это дало возможность провести весенний сев в четыре дня. И битва за урожай была выиграна. В срок пятом году трактористки во главе с Ангелиной одержали первую победу. Они вернули власть над землёй, получив с каждого гектара по 21,4 центнера зерна.

Осенью сорок пятого года трактористки вспахали чистые пары, подняли несколько сот гектаров ячменя. Озимые хлеба были посеяны в лучшие сроки. В лютую стужу, в морозы и метели молодые и старые колхозники расставляли щиты, устраивали снежные заслоны.

Наступила весна сорок шестого года. Украиную постигло стихийное бедствие: засуха. Колхозные поля не видали над собой ни одной дождевой тучи. Потянулись знойные, ясные дни. Горячие ветры суховеи сжигали всё живое. Порыхлел чернозём. Но земля, хорошо подготовленная и обработанная колхозниками ещё осенью, давала растениям достаточное количество влаги. На полях появились чудесные всходы.

В этот трудный год на полях, обработанных бригадой Пашы Ангелиной, колхозники собрали по двадцать центнеров зерна на площади 425 гектаров. За это Паше присвоили звание Героя Социалистического Труда. Колхозники торжественно чествовали Пашу. В разгар торжества в клуб пришёл старейший колхозник Григорий Харитонович Кырязев. Он поднялся на трибуну и, по-крестьянски поклонившись, сказал Паше: «Так, Паша, стоит жить!»

Около двух десятилетий Паша работает на тракторе.

— Хлебопашество, — говорит она с гордостью, — моё призвание. Трактор — это мой боевой пост. Великий Сталин научил меня, простую крестьянку, дочь батрака, жить и работать для счастья моей страны, для моего народа.

Своим трудом завоевала себе Паша Ангелина всеобщую любовь и признание. Её избрали депутатом Верховного Совета СССР, присвоили звание лауреата Сталинской премии.

Воспоминания

Паша Ангелина со своей бригадой на весеннем севе.

БРИГАДИР АНЯ

В. Юрезанский

Здравствуй, милая Аня! Я увидела твой портрет в газете и так обрадовалась, будто встретилась с самым дорогим для меня человеком. Я думала, тебя не огустят из Челябинска, а ты, молодец, добилась. И вот по газете я знаю, где ты находишься. Надеюсь, моё письмо попадёт к тебе, и ты вспомнишь нашу дорогу из Кочкаря в Челябинск, наши мечты, всё, про что мы тогда говорили. Ты добилась такой славы, о какой мы и не думали. Ведь кто мы были? Простые девчонки, которые загорелись думкой помочь Родине восстановить разбитые фашистами города и заводы. Мы кинулись в белый свет с горячим сердцем. И как замечательно получилось!»

Аня прочла письмо, и перед ней живо встала та недавняя весна, когда она и Марина, молодые комсомолки, решили ехать на Украину.

Ещё шла война, но Киев и Запорожье уже были освобождены. Надо было восстанавливать разрушенные города, поднять взорванный Днепрогэс, оживить пустынные поля, на которых когда-то стояла золотая пшеница, а теперь росли серый бурьян и чертополох.

И тысячи советских юношей и девушек поехали восстанавливать украинские города и сёла, фабрики и заводы. Аня Лошкарёва тоже решила поехать в Запорожье. Там, в руинах и развалинах, на берегу обмелевшего Днепра, лежала мощная электростанция — Днепрогэс.

В то время Аня работала избаком в далёком сёде на Урале. В тёплой и уютной избе-читальне были развешены географические карты, плакаты, на столе и в шкафах лежали книги, журналы, газеты. Люди приходили к Ане, узнавали от неё последние новости, спрашивали о событиях, которые тогда волновали весь мир. Аня читала вслух газеты, рассказывала о положении на фронтах, по карте показывала продвижение советских войск, писала на фронт письма. Это была интересная, нужная работа. Секретарь Кочкарского райкома комсомола, куда Аня пришла проситься на Днепрострой, удивился, услышав её просьбу.

— Да что ты Аня? — сказал он. — Разве те-

бе здесь плохо? Разве у тебя не интересная работа?

— Сейчас я нужней там, — твёрдо сказала Аня.

— Да ты подумай! Ведь и тут много дела. Вот скоро начнём Челябинский тракторный расширять.

— Не уговаривай, не доказывай. Для Челябинского завода народу хватит, а на Украине сейчас людей мало: кого фашисты угнали, кого убили, — поеду.

И поехала.

Она ехала девятнадцать суток. Со станции Запорожье она пошла пешком. Широкий Днепр открылся неожиданно, и сразу же Аня увидела мёртвые глыбы бетона вместо сооружений, которые она хорошо знала по газетным и журнальным снимкам.

Аню поселили в шестом посёлке в развалинах каменного дома. Пол выгорел, на обугленной земле лежала содома, окон не было. Но Аня была счастлива: наконец-то она здесь, и завтра, когда начнётся утро, она пойдёт на стройку.

Бригада, в которой работала Аня, рассчитала трансформаторные пути. Девушкам приходилось вращать камни, железо, бетон, но они никогда не жаловались, работали хорошо, быстро и всегда выполняли нормы в три—четыре раза.

Недели через две девушек послали ремонтировать жилые дома, Аню назначили бригадиром. Девчата настлали полы, штукатурили и белили стены, красили рамы, перила, крыши. Своего бригадира девчата очень любили и во всём её слушались. Невысокая ростом, русоволосая, круглощёкая, Аня пошла по строительству, как колобок, — бойкая, ловкая, весёлая.

Аня хорошо играла на гитаре. Вечерами девчата собирались в общежитии и пели под аккомпанемент гитары украинские, русские, грузинские песни. А однажды в выходной день на площадке перед общежитием затеяли танцы. Принесли новый баян, но оказалось, что играть на нём никто не умеет.

— Дайте-ка я попробую, — сказала Аня и потянулась за баяном.

Она села на бревно, умело перекинула через плечо широкий ремень, перебрала пальцами по ладам и вдруг заиграла с такой ловкостью и силой, что все в кругу только ахнули.

В середине лета анину бригаду послали на разборку взорванной немцами плитовой стены. Через круглые отверстия в этой стене когда-то шла вода в турбины Днепрогэса. Теперь кругом беспорядочно валялись огромные каменные глыбы. Девушки разбивали камни кирками и кувалдами, грузили бетонный лом в вагоны и увозили прочь. Они бились на этой тяжёлой работе с утра до наступления сумерек, только темнота заставляла их

уходить в барак. По утрам на строительстве выходил листок «Комсомольской правды». Он рассказывал о славных трудовых подвигах восстановителей Днепрогэса. Однажды в листке появились стихи про анину бригаду и фотография всех двенадцати девушек. Девушки были в мешковатых брезентовых комбинезонах, в грубых деревянных ботинках. Но какой радостью и задором светились их молодые лица!

Скоро бригаду послали на постройку левобережного бетонного завода, который надо было построить в очень короткий срок; очистительные работы заканчивались, и теперь для строительства новых сооружений срочно требовался бетон.

Опять пошли тяжёлые дни — без отдыха, без выходных. Анина бригада была в карьерах гранит, дробила его и перевозила к заводу. Наступили морозы, а спецовок не хватало, стужа пробиралась насквозь. Но девушек ничто не страшило, они торопились закончить стройку. И в марте сорок шестого года бетонный завод был пущён.

Сразу понадобились мотористки. Аня первая стала учиться, а за ней пошли и другие девушки. Они быстро научились работать на трёх моторах. Бригадиром мотористов стала Аня.

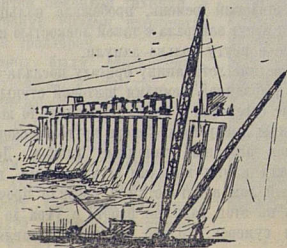
А когда началась кладка новой щитовой стены, Аню назначили мастером на бетонном заводе, который она сама же строила. Правительство высоко оценило труд Ани Лопкарёвой: её наградили орденом Ленина.

В марте 1947 года была пущена первая турбина, и восстановители Днепростроя послали письмо товарищу Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Коллектив строительства «Днепростроя» счастлив доложить Вам, что гордость нашего народа — Днепровская гидростанция имени В. И. Ленина, варварски разрушенная немецкими захватчиками, поднята из руин и вступила в строй действующих электростанций...»

Советский народ вновь возродил Днепрогэс. Буйная сила Днепра, превращённая в электрический ток, послушно побежала по проводам, и тысячи новых огней загорелись на стройках новой пятилетки.

ПУТЬ УЧЕНОГО

А. Елагина

Николай Андреевич Леднев помнит как сейчас тесный класс сельской школы, на партках любопытные лица ребят, а у доски — маленькая фигурка в рваной кофте с босями, залепанными грязью ногами. Это он, Колька Леднев.

— Ты опять босиком, — строго говорит учительница и смотрит на его ноги; он и сам с ужасом видит, как грязные пятна расплзаются по жёлтому полу, он робко протягивает листок:

— Задачи я решил...

Как давно это было! Почти двадцать пять лет назад... Может быть, именно тогда и возникла его любовь к математике? Ему нравилось складывать, умножать и делить числа. Это было похоже

на интересную игру. Но учительница запретила ему приходить в класс босиком. Она была из кулацкой семьи и под разными предлогами гнала из школы детей бедняков. Тогда семилетний Колька пошёл в сельсовет. В школу прислали другого учителя, а ему выдали новенькие сапоги. Колька решал теперь задачи в классе; если никто не мог справиться с трудной задачей, учитель вызывал его, и он с затаённой гордостью давал правильный ответ.

Но это не была ещё настоящая любовь. Когда Ледневы из деревни переехали на фабрику имени Лакина, где отец стал работать ткачом, Николай забросил учёбу.

В большом фабричном общежитии кто-то из рабочих научил его играть на гармонии. Инструмент удивительно слушался мальчика. Со всего общежития приходили рабочие слушать, как играет Колька Леднев. Потом его стали приглашать на свадьбы и именины и платить за игру. Заработка отца не хватало на большую ледневскую семью, деньги Николая пришлось как нельзя кстати.

По вечерам, когда хозяйки расходились по своим комнатам, в огромной кухне общежития собирались подростки. Запирали дверь, рассаживались вокруг тёплой ещё плиты и начинали рассказывать. Каждый старался придумать рассказ пострашнее. Потом ребята играли в шашки и ножички, курили и хвастались своей силой и ловкостью. Николай жадно слушал и всему простодушно верил.

Но вот как-то на кухню пришли два паренька — Гриша и Михаил — ученики школы ФЗО. Они показали ребятам новую игру — шахматы. Николай сразу понял: вот это игра! И когда Гриша и Михаил объявили на кухне шахматный турнир, Леднев вышел на первое место, — его никто не мог обыграть.

На кухне теперь реже рассказывали страшные истории. Говорили больше о шахматах, о деталях машин, о фабричных марках. Большинство ребят поступило учиться в ФЗО.

Однажды Гриша и Михаил объявили, что сегодня их приняли в комсомол. Они с гордостью показывали новенькие комсомольские билеты и мечтали вслух о том, как будут учиться на старшего мастера, а там, чего доброго, и на инженера.

Гриша дал Николаю небольшую книжку. Это была речь Ленина на третьем съезде комсомола. Николай прочёл, потом перечитал ещё раз. По правде сказать, не всё там ему было понятно, но одно он понял: Ленин велел всем молодым учиться, чтобы строить новую, счастливую жизнь. И все учатся: вон и Гриша, и Михаил, и другие ребята из ФЗО. А он? Чем он хуже других? Стало обидно за себя. Николай вытащил свои старые тетради. Вон сколько решил он задачек!

И все правильно — одно действие вытекает из другого, всё равно как, когда играете на гармонии, — нота летит за нотой, и получается песня.

Утром Николай пошёл в школу.

Молоденькая учительница школы-семилетки часто отвечала на вопросы Николая: «Это я объясню в следующий раз».

Дома она вышла в учебниках, искала нужный ответ. Николай прошёл курс математики за все семь классов и теперь самостоятельно изучал логарифмы и тригонометрию. Учительнице пришлось специально заниматься, чтобы руководить учеником. В этом вихрастом светлоглазом паренёке она угадала недюжинные способности.

В ту осень его приняли в комсомол. Был яркий, погожий день. Вздолнованный, он убежал в овраг за посёлком, чтобы побыть одному, собраться с мыслями.

Шагая по жёлтым, шуршащим листьям, он строил планы, как будет жить для народа, для Родины, как вырастет, вступит в партию, станет настоящим коммунистом и... выучит всю как есть математику. Под конец он поймал себя на том, что в уме решает уравнение, которое вечером не успел решить.

Николай с трудом открыл глаза. Нестерпимо жгло грудь и руки, весь он был обмотан бинтами и лежал на больничной койке. Что же вчера произошло? В ушах ещё стоял треск и вой пламени, рёв скота, крики и плач детей. Булаки подожгли торфяные разработки. Огонь перекинулся на соседний колхоз. Райком комсомола послал отряд комсомольцев тушить пожар.

Пламя охватывало строение за строением. Комсомольцы оценили горящие дома и, задыхаясь от дыма, баграми растаскивали брёвна. Им уже удалось сбить огонь, когда что-то ударило Николая по голове, в лицо пахнуло жаром. Больше он ничего не помнил.

Николай шевельнулся и застонал. Подошла сиделка:

— Осторожней, больной, у вас сильные ожоги.

«А как же техникум?» — в ужасе подумал Николай. Весной он окончил школу с отличием, комсомольская организация дала ему путёвку во Владимирский механический техникум, со дня на день мог прийти оттуда ответ, а он лежит.

Но дни проходили, а ответа всё не было. И вдруг в больницу прибежал младший братишка. Письмо! «Механический техникум извещает, что Вы допущены к вступительным экзаменам». Экзамены через два дня.

Николай едва дождался обхода врача и, скры-

ная волнение, попросил выписать его из больницы. Врач осмотрел ожоги:

— Через две—три недели, пожалуй...

Николай лежал и плакал от досады, потом решил: «Не выписывают, не надо!» Он попросил младшего братишку принести ему одежду. Ночью тихоенько оделся и вышел в окно. Кружилась голова, ноги разучились ходить. До Владимира было двадцать пять километров. Он шёл, ложился на землю, подымался и снова шёл. Утром, когда в техникуме начались экзамены, Николай Леднев, пошатываясь, подошёл к доске и ухватился за неё, чтобы не упасть. Экзамены он выдержал.

То, что говорил преподаватель, было поразительно, необыкновенно. Николай был ошеломлён. Оказывается, математика — незаконченная наука. Не было же раньше геометрии Лобачевского, а теперь есть. И каждый год, даже, может быть, каждый день, математики открывают новые законы, потому что математика беспредельна.

Леднев слушал, и голова у него горела. Значит, он тоже может открыть в математике то, до чего ещё никто не додумался!

Всё свободное от занятий время он теперь упорно работал. Закончив работу, долго хранил её в тайне. Наконец решился показать преподавателю.

— О, вы даже знаете формулу решения кубических уравнений! — заметил тот.

— А вы её тоже знаете?

— Разумеется.

— Но это же я её вывел!

— Как? — изумился преподаватель. — Самостоятельно вывели формулу?..

А Николай чуть не плакал от огорчения. Значит, никакого открытия он не сделал...

И только позднее пришла мысль: он же не знал, что эта формула уже есть, и всё-таки вывел её, значит, когда-нибудь он найдёт такие формулы, которых никто никогда не выводил.

После долгих колебаний Николай пошёл к декану и, запинаясь, рассказал, что отца он не мог обременять, а собственных сбережений хватило только на дорогу. Декан посмотрел на него живыми, понимающими глазами и спросил:

— Работы не боитесь?

— Никакой!

Через час Николай в фартуке с метлой в руках убирал двор университета.

На первом же экзамене по математике Николай изумил профессоров, представив девять вариантов решения одной и той же задачи. Это был небывалый случай. Его вызвали в приёмную комиссию:

— Объясните, как вы нашли эти решения?

Николай объяснил: он самостоятельно пробовал изучать высшую математику и теперь применил свои знания.

Профессора переглянулись и дали ему доказать теорему из высшей математики. Он тут же нашёл доказательство.

— Мы можем принять вас сразу на второй курс, — с уважением сказал председатель комиссии.

Но Николай отказался. Он хотел пройти весь курс университета, от начала до конца, без скачков и перерывов.

Он стал изучать один за другим капитальные труды по математике, физике, химии, механике, философии. Изучил языки, чтобы в подлиннике читать иностранных авторов.

Комитет комсомола поручил ему создать математические кружки для школьников. Он читал доклады, организовывал лекции и конкурсы, помогал проводить математические олимпиады школьников.

Дни проходили в учёбе, в общественной работе, но мечта о новых открытиях не оставляла Леднева никогда.

Самолёт стремительно рассекает воздух. Мощный паровоз мчится по рельсам. Воздушная арка моста перекинута через реку. Всё это создали инженеры и конструкторы. Но они ничего не могли бы создать, если бы математика не дала им готовые формулы, не открыла математические закономерности скорости полёта, сопротивления воздуха, сопротивления материалов, горения и других физических явлений.

Каждое физическое явление в природе можно, как правило, выразить математически системой дифференциальных уравнений. И советские математики поставили свою науку на службу социалистическому хозяйству. А. С. Предводителей разрабатывает теорию горения, теорию жидкостей. Найденные им формулы необходимы в артиллерии, в паровозостроении. И. Г. Петровский изучает системы дифференциальных уравнений для радиотехники и самолётостроения...

Николай остановился у раскрытых ворот с чугунной решёткой. Наконец-то он в Москве. Перед ним величественное здание Московского университета, широкий зелёный двор. Вокруг — множество юношей и девушек. Неужели он скоро будет студентом? Надо только хорошо сдать экзамены. Но экзамены ещё не начались, а в кармане у него один-единственный рубль.

Леднев избрал для своих исследований алгебру и математический анализ, в особенности теорию дифференциальных уравнений.

Он окончил университет перед самой войной. Ему предлагали идти в аспирантуру. Леднев отказался. Он поступил в научно-исследовательский институт, чтобы его работа, его открытия могли служить самому главному — защите Родины.

Только в 1944 году, когда наши войска освободили советскую землю от гитлеровцев и радио ежедневно сообщало о новых и новых победах, Леднев решил, что наступило время, когда он снова может взяться за учёбу. Он был принят в аспирантуру Московского университета.

Курс аспирантуры рассчитан на три года. За это время аспирант должен сдать десять экзаменов и защитить кандидатскую диссертацию.

Утром, включив радио, Леднев слушал сводку Информбюро, а затем садился за книги. Никогда он ещё не занимался с такой жадностью, с таким подъёмом. Ничто не могло его отвлечь. Его окликали — он не слышал, не отвечал. Всё внимание его было сосредоточено на том, что он изучал. Прочитанное запоминалось необыкновенно ярко и легко.

Через неделю он сдал первый экзамен, ещё через неделю — второй. Когда он пришёл сдавать третий, профессор отказался принимать.

— Вы нам срываете план. Курс рассчитан на три года, а вы приходите каждую неделю. Что можно усвоить за одну неделю?

— А вы меня только проверьте, — попросил Леднев. Профессор попался на хитрость, «проверил» и, пожимая плечами, поставил Ледневу «отлично».

За три месяца Николай сдал на «отлично» все десять экзаменов и защитил кандидатскую диссертацию. Ещё через три месяца была готова его докторская диссертация о новом методе решения дифференциальных уравнений с частными производными.

После долгого перерыва военных лет это была одна из первых защит докторской диссертации в Московском университете. На защиту собрались профессор, академики, аспиранты и студенты разных курсов и факультетов.

Николай слушали с напряжённым вниманием. То, что он говорил, было ново, неожиданно. И с мест летели вопросы, выкрикивались возражения. Леднев разбивал возражения одно за другим.

Ледневу была присуждена учёная степень доктора физико-математических наук. Его отступили, поздравляли, желали успеха.

Он не мог говорить. Сильно и часто билось его сердце, горели лицо и руки... Значит, теперь он доктор наук... И, как бывает иногда в самый подходящий момент, где-то в глубине сознания вдруг мелькнула маленькая фигурка у доски в сельской школе. Кто бы мог тогда предугадать?.. Хотя характер проявился уже в то время. Добился же он своего...

И как тринадцать лет назад, когда его пригласили в комсомол, Ледневу захотелось побыть одному, собраться с мыслями.

Шагая по шуршащим листьям, вдоль оголённых бульваров, он поймал себя на том, что в уме доказывал теоремы новой, уже начатой им работы.

Прошло три года. Николай Андреевич Леднев написал двенадцать научных работ, получил звание профессора.

Самый молодой профессор в стране, он не намного старше своих студентов. Совсем недавно он сам приходил в эти аудитории слушать лекции. Теперь он передаёт свои знания другим. Он рассказывает перед студентами законы математики, её беспредельные возможности, учит мечтать и творить.

По ночам в комнате Леднева подолгу не спит. Он пишет свою новую научную работу.

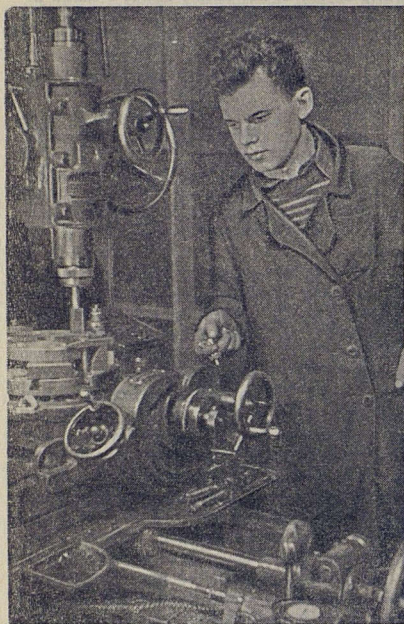
Молодой учёный работает над обоснованием теории переменных алгебраических полей. Эта работа может положить начало новому направлению в современной алгебре. И трудно сейчас предугадать, к каким значительным открытиям в науке она приведёт.

Математике дано не только выводить закономерности уже известных физических явлений. Она может открывать в природе то, о чём ещё не подумало человечество.

Никто никогда не видел атома, но путём математических исследований и построений было доказано, что атом существует, что в нём таится огромная сила, которую человек может вызвать к жизни. Опыт подтвердил это. Так, на основе математического исследования была создана теория строения вещества, строения атома.

Каждый человек должен держать. И разве не задача коммуниста — открывать новые законы природы, чтобы на их основе перестраивать мир?

И свет в комнате учёного горит до утра.

ТРУДОВАЯ СЛАВА

Г. Рихтер

КОЛЯ СТАНОВИТСЯ СЛЕСАРЕМ

Как тебя звать?
— Коля.
— Николай, значит? Хорошо. А фамилия?
— Горичев.

Слесарь Ревенко разглядывает стоящего перед ним светлосолового коренастого паренька. Немало через его

руки прошло таких молодых ребят. Вот ещё один стоит перед ним. Шашка в руках. Вежливый. Спокойный. Глаза внимательные и сосредоточенные, не разбегаются по сторонам, а смотрят на мастера спокойно, без смущения. От внезапного шипения сжатого воздуха он не вздрагивает и не оборачивается. «Кажется, парень дельный», — подумал мастер и сказал дружелюбно:

— Значит, слесарем будешь?

— Нет.

— Вот это интересно! — удивился мастер. — Кем же ты будешь?

— Лётчиком.

— Ловко! Тогда, брат, ты адресом ошибся. Здесь не летают. Здесь работают.

Ревенко не на шутку рассердился. Коле показалось, что он его сейчас прогонит, но мастер, насупившись, только сказал:

— Ты вот что. Клади свою амуницию. Слушай, что я тебе скажу, и выполняй, иначе не успеешь отплатиться, как сделаешься «лётчиком»: вылетит с завода...

И стал Николай Горичев слесарем. Не об этом мечтал Коля. Он мечтал стать лётчиком. Что может быть интереснее этой профессии?! Вот, например, он уже лётчик. По радио сообщили, что где-то рыбаки на льдине унесены в открытое море. Их надо найти, спасти. Вызывается Николай Горичев. Он садится в самолёт и летит. Дождь, ураган. Ветер свистит в ушах и швыряет самолёт, как щепку, но Коля крепко держит руль и зорко вглядывается вдалёк. Наконец он обнаруживает льдину, с большим трудом приземляется и сажает в самолёт рыбаков. А потом летит обратно. Всё поручнее кончилось за несколько километров до аэродрома. И только высокое мастерство Коли спасло людей и машину. Его обнимают, целуют, возут в Кремль, награждают орденом... Или, например, в тайге с одним известным геологом несчастный случай... Или... Да мало ли какие интересные события могут произойти с лётчиком! А что такое слесарь? Исправлять водопровод, чинить замки... Нет, я буду всё-таки лётчиком, так решил Коля Горичев.

Вначале мастер поручал Коле несложные работы. Коля выполнял их старательно и аккуратно, но без особого интереса. Большие всего влекли его к себе чертежи, замысловатые, неисчерпаемые непонятными цифрами и буквами. Коля часто склонялся над ними, как над интересной головоломкой, и когда ему удавалось разгадать их, рука становилась твёрже, увереннее. Коля стал понимать, что значит работа слесаря-инструментальщика. Вот, например, где-то на верфях Владивостока решили построить новый корабль особого назначения. Для этого нужны специаль-

ые инструменты и приспособления. На завод поступает заказ. Конструкторское бюро разрабатывает подробные чертежи, которые поступают к слесарю-инструментальщику. Внимательно изучив чертёж, слесарь начинает претворять его в жизнь.

РАБОТАТЬ ИНТЕРЕСНО

И вот Коля уже не просто сверлит, долбит или обтачивает металл: он знает место и назначение каждой сделанной им детали. И от этого работать интересно и весело. В его руках новенький, замысловатый, умный и послушный инструмент.

Это образец, по которому могут быть сделаны десятки, сотни или тысячи подобных же инструментов. Но их сделают другие рабочие. На столе слесаря-инструментальщика лежит уже другой чертёж инструмента или станка, необходимого при изготовлении нового мотора, новой зубчатой машины, нового подъёмного крана, турбины. Да мало ли что нужно нашей огромной, растущей стране!

Пастало время, когда Коля раскрыл тайну чертежа. Глядя на начерченную кальку, он уже ясно видел будущий инструмент во всех его деталях, его форму, вес и назначение. Остаётся как будто только точно выполнить чертёж. Но такая работа не по душе Коле Горичеву. Ему хотелось бы, чтобы, выполняя важную и срочную работу, какой-нибудь строитель, механик или монтажёр в Николаеве, Комсомольске, Горловке или Ленинграде, орудия инструментом, сделанным Николаем Горичевым, подумал: «Вот славный инструмент! Удобный, надёжный и лёгкий. Работает безотказно. Где же работают те золотые руки, что делали этот инструмент?..». Рабочий взглянет на ручку инструмента. На нём клеймо «Д.К.». «Ах, вот оно что! Завод «Динамо» имени Кирова. Славный завод, хорошие там мастера. Спасибо им!»

Однажды Николаю показалось, что если внести незначительное изменение в чертёж, то инструмент станет более удобным. В конструкторском отделе с предложением Николая согласились. Перед Николаем открылось новое увлекательное поле деятельности. Он уже не только разглядывал кем-то заданные задачи, а сам их перед собой ставил и сам же осуществлял. Он стал рационализатором, беспокойным, вечно ищущим, думающим.

НОВЫЙ ДРУГ

Однажды мастер заболел и не вышел на работу. Важная деталь срочного заказа оказалась невыполненной. Николай сам решил её доделать.

Трудно сказать, как это случилось, но деталь он испортил, «запорол». Старший цеховой мастер вызвал к себе Николая. Он ожидал, что виновник станет оправдываться, но Николай коротко сказал: «Виноват я один».

Лицо Николая выражало такое искреннее огорчение, что мастер решил Коле взбучки не делать.

— Комсомолец? — спросил он, внимательно разглядывая Горичева.

— Комсомолец, — ответил Коля и поблелел.

Цеховой мастер, обдумывая что-то, всё ещё разглядывал Николая, потом он чуть-чуть улыбнулся и, взяв со стола чертёж, сказал Николаю:

— А ну-ка, комсомольское племя, погляди на эту картинку.

Коля склонился над чертежом сложной детали. более сложной, чем та, которую он испортил.

— Сделаешь? — спросил мастер.

Значит, это ему, бракоделу, доверяется такая ответственная работа! Справится ли он? Нужно хорошо разобраться в чертеже. Всё равно, что бы там ни было, надо распробиться в лепёшку, а сделать.

— Сделаю!

— Норма на такую деталь — пять часов. Успеешь?

— Успею.

Через четыре с половиной часа Николай снова явился к цеховому мастеру. Разглядывая отделанную, как игрушку, деталь, мастер дивился не столько чистоте работы, сколько этому приземистому, как будто неповоротливому паренюку с плотно сжатыми губами.

— Подходяще, — скупно похвалил Николая мастер.

С тех пор Николай Горичев и цеховой мастер коммунист Николай Александрович Иванов сделали закадычными друзьями.

В Николае Александровиче Коля нашёл отзывчивого и чуткого друга и наставника. Он внимательно следил за работой Горичева, помогал ему советом, показывал, как надо работать. В выходные дни они ездили вдвоём на рыбалку или на охоту. В долгих душевных беседах Коля Горичев узнавал много нового.

НИКОЛАЙ ГОРИЧЕВ БОРЕТСЯ С ФАШИСТАМИ

Н агрянула война. Несмотря на просьбы Николая Горичева, его на фронт не отправили. Он был обижен и огорчён.

Завод эвакуировался на Урал. Застыли, замерли огромные заводские корпуса. И только в одном из многочисленных цехов едва теплилась жизнь. Здесь Николай Горичев с несколькими товарищами, выполняющие ответственные задания, воевал с фашистами.

Немецкие фашисты сожгли жемчье Коли. Он стал жить в пеху. Ещё роднее и дороже стал Коле этот пустынный, как будто осиротевший завод. Заброшены лыжки, шахматы, любимые книги. Сутками не смыкая глаз, трудился Николай. В общий труд советских патриотов он выносил свою кашлю. В это суровое время Николая постигло страшное, непоправимое несчастье: он потерял отца и мать. Ни единой слезинки не проронил Николай, он только, ещё больше побледнев, глубже западали глаза, на лбу появились морщинки, и он сделался ещё молчаливее.

И сейчас, как и раньше, на помощь к нему пришёл его старший товарищ коммунист Иванов. Он почти насильно уводил Николая к себе, по-братски делил с ним свой скудный паёк, стараясь смягчить страшное колыно горе, от которого он, казалось, оледенел.

Тёплое, дружеское участие старшего товарища, как лучи весеннего солнца, согрело Николая, и он стал приходить в себя. Только в одном он не изменился: он так же ожесточённо, до самозабвения работал.

КОЛЯ СТАНОВИТСЯ НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ

З авод «Динамо» снова ожил после победы, и тут выяснилось, что Николай Горичев при нормальной работе систематически превышает свой план в три—четыре раза. Если по-

глядеть со стороны на то, как работает Николай Горичев, то покажется непонятным, почему этот неторопливый, как будто медлительный человек успевает сделать столько, сколько полагается сделать трём—четырёх квалифицированным слесарям.

Творческий, сознательный труд — вот в чём секрет успехов Горичева. Получив новый чертёж, он находит способ, ускоряющий его выполнение. В одном случае экономит десять или двадцать процентов времени, в другом работа ускоряется в три или даже в десять раз. Иногда Горичев добивается этого хитроумным способом, иногда ему помогает счастливая и очень простая догадка... Однажды к Николаю поступил срочный заказ: нужно было изготовить приспособления для изоляции и намотки магнитных катушек. Приспособление это простое и несложное. Оно состоит из металлического стержня с насаженными на нём пятнадцатью плоскими пластинами. Изолированные друг от друга катушки наматываются на стержень между пластинами. Но... оказывается, что расплавленный неолационный лак, которым покрываются катушки, проникает в зазор между стержнем и соприкасающимися с ним стенками пластины и образует на катушках заусенцы. Получается непоправимый брак. Значит, надо сделать в пластине настолько плотно-прилегающее к стержню «окно», что оно не пропустит расплавленный лак. Зазор должен быть не больше 0,02 миллиметра. Как добиться такой высокой точности? Обычно это делалось так: на том месте, где должно быть окно, пробивалось небольшое отверстие, а уже потом тончайшим напильничком его кропотливо и осторожно расширяли до необходимых размеров. Ничего не поделаешь. Другого пути для достижения такой высокой точности как будто нет.

Обидным показался Горичеву этот муравьиный труд над такой простой, а главное, срочно необходимой вещью. Думал он, думал и придумал. Вместо того чтобы корпеть над окошечками, он сделал точную металлическую модель стержня с заострённым концом. Он закалил эту модель: сделал её очень твёрдой. В небольшое отверстие, продолженное на месте окошка, он вставил заострённый конец стержня и сильными ударами заставил пройти его через пластину, сделанную из мягкого металла. Окошко, и притом очень точное, было готово. Этот заказ Николай Горичев выполнял в пятнадцать раз быстрее, чем было запланировано...

Горичев не забыл уроки своего старшего друга Николая Александровича Иванова, который внимательно и чутко направлял первые, ещё не уверенные движения молодого слесаря Коли Горичева. Он охотно помогает своим товарищам по работе и терпеливо обучает новичков.

Погожий летний день 1947 года. Группа рабочих завода «Динамо» в благоговейном молчании вступает в один из залов древнего Кремля. Среди них Николай Горичев. Он и его товарищи чувствуют себя именинни-

ками вдвойне: их родному заводу пятьдесят лет, и они приглашены в Кремль. Появляется председатель Президиума Верховного Совета товарищ Шверник. К нему подходят моряк, строитель, шахтёр, железнодорожник, лётчик. Не инструмент ли Горичева помогал сооружать тот корабль, то здание, ту шахту, паровоз или самолёт, на которых прославились эти люди? Очень может быть.

Вот наконец товарищ Шверник вызывает его, Горичева. Улыбнувшись, он пожимает ему руку и вручает орден Трудового Красного Знамени. Сбылась пионерская мечта Николая: он в Кремле, его награждают орденом. Правда, он мечтал быть лётчиком, но мог ли знать десятилетний Коля, что труд слесаря-инструментальщика в нашей стране так же увлекателен, как и всякий другой, если относиться к делу серьёзно и вдумчиво! Нужно только знать, для чего и для кого трудиться.

Осеннее, хмурое утро, но на душе Николая Горичева легко и светло. Он идёт по хорошо знакомым с детства улицам на свой родной завод,

где его не зря ценят и уважают. О трудовых заслугах Горичева красноречиво говорят простые цифры. За полтора года Николай Горичев выполнил на 80,8 процента своё пятилетнее задание. А ведь норма выработки Николая Горичева в два с половиной раза выше средней, обычной нормы слесаря!

Вот он в цеху, у своего рабочего места. К нему подходит вихрастый паренёк и подаёт записку от начальника цеха Николая Иванова. В ней написано: «Прими ученика». Горичев внимательно разглядывает паренёка и вдруг вспоминает себя, когда он двенадцать лет назад переступил порог цеха и так же скромно, как этот паренёк, стоял перед мастером.

— Как твоё имя? — спрашивает Николай Николаевич.

- Вася.
- Фамилия?
- Кузнецов.

— Значит, хочешь быть слесарем? Только говори правду. Слесарем или лётчиком?

Паренёк смущённо молчит, потом тихо говорит:

— Лётчиком.

Горичев чуть заметно улыбается.

— Ну... Давай работать. Начнём с пуговицы. Застегни рубашку. Работа наша требует аккуратности и дисциплины. А теперь слушай и смотри. Вот твоё рабочее место. Вот твои инструменты. Это будет твой шкафчик. Наведи в нём порядок и позови меня. Я проверю. Понял, Вася?

— Понял.

— Приступай к работе.

И Вася Кузнецов, бросив косой взгляд на непонятный и загадочный чертёж, идёт к своему рабочему месту.

★

Отряд № 17

(Окончание)

А. Рыбаков

Рис. В. Лодягина

УГОЛОК ЗВЕНА

«Пионер своё дело делает быстро и аккуратно», — размахивая молотком, прочитал вслух Генка. Он стоял на верхней ступеньке лестницы, под самым потолком, и прибавил к стене плакат.

— Вот, вот, «быстро и аккуратно», а ты уже целый часковыряешься, — заметил Слава; одной рукой Слава поддерживал лестницу, а другой держал свисающий конец плаката.

Клуб готовился к торжеству по случаю пуска фабрики на полную мощность. С потолка свисали гирлянды еловых ветвей с рассыпанными в них разноцветными лампочками. Пионеры кончали устройство звеньевых уголков. Пахло свежей елью, столярным клеем, краской.

Все пионеры были в новенькой форме защитного цвета. Костюмы им выдала дирекция фабрики, когда пионеры давали торжественное обещание. Отряду тогда вручили знамя, барабан и горн. Пионерам — галстуки и костюмы.

— Вот, ребята, — сказал директор фабрики, подписывая наряд на материал, — страна наша разута, раздета, только из разрухи вылезает, а для вас ничего не жалеем. Помните это...

Миша стоял, закинув вверх голову, и следил за Генкой. Генка, прибив второй конец плаката, слез и стал рядом с Мишей и Славой.

В центре звеньевых уголков помещались выпуклый фанерный щит: «Звено № 1 имени Красного Флота». Буквы были вырезаны в фанере и заклеены красной бумагой. Внутри щита го-

реда электрическая лампочка. Получилось очень красиво.

К ребятам подошёл вожатый отряда Коля Севастьянов.

— Коля, — обратился к нему Генка, — смотри, как мы здорово придумали! Лучше, чем у всех.

— Хорошо, — подтвердил Коля, — а хвастать этим нечего. Ваше звено старше, у вас и должно быть лучше других... Поляков! — обратился он к Мише: — Быстро со звоном на площадку. Там Коровин со своими пришёл.

— Есть! — ответил Миша.

— Смотри, — продолжал Коля, — первая встреча — самая ответственная. Сумеете подружиться — будут ребята ходить. Не фаноят перед ними, но и не заискивайте. Держитесь просто. Для первого раза постарайтесь вовлечь их в игру.

— Звено Красного Флота, — крикнул Миша, — становись!

ПЛОЩАДКА

Звено выстроилось. Здесь были старшие ребята: звеньевой Миша, Слава, Генка, Шура, Зина Круглова — и ещё несколько мальчиков и девочек из других домов.

Они вышли из клуба и строем побежали на площадку — так называлась теперь задний двор. Ничто там, впрочем, не изменилось, только висела сетка для волейбола.

Возле дома, на асфальте, тесной кучкой сиде-

ли человек десять беспризорных. Некоторые из них курили. Все они были в лохмотьях, грязные, с взлохмаченными волосами. Только один паренёк был в повешкой серой кепке, вероятно, только сегодня где-то раздобытой. Они сидели тихо, изредка переговариваясь между собой и не обращая никакого внимания на окруживших их маленьких ребятшек, с любопытством разглядывавших странных пришельцев.

Пионеры разделились на две группы и заняли места на волейбольной площадке.

— Ещё шесть человек! — крикнул Миша, приглашая этим беспризорных вступить в игру.

Никто из них не пошевелился. И всё время, пока пионеры играли, они равнодушно сидели в прежних позах.

— Не клюёт, — прошептал Генка Мише.

Вместо ответа Миша, подавая мяч, сильно ударил его и направил прямо в группу беспризорных. И это не произвело на них никакого впечатления. Только Коровин лениво отбросил мяч ногой.

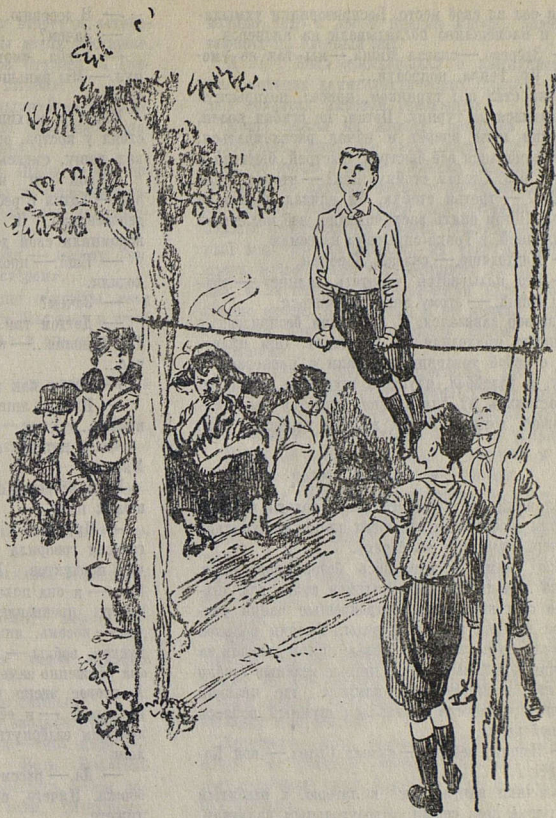
«Конечно, они присматриваются, сразу их не вовлечёшь, — думал Миша, — только бы они не ушли».

Миша дал свисток. Игра прекратилась. Девочки остались на площадке, мальчики подсади к беспризорным.

— Здорово, Коровин! — сказал Миша. — Как дела?

— Ничего, — нехотя ответил Коровин, — по-маленьку.

— Что это у вас за палка? — спросил вдруг беспризорник с таким обилием веснушек на лице, что их не мог даже скрыть толстый слой грязи, и показал на оборудованный меж двух деревьев самодельный турник из водопроводной трубы.

Генка стал под турником, подпрыгнул и ухватился за турник.

— Турник, — охотно объяснил Миша.

— Зачем?

— А вот зачем, — Миша подошёл к турнику, подтянулся, сделал преднос и соскочил. — Сумеешь так?

— Не знаю, не пробовал, — ответил беспризорник.

— А ты попробуй.

Беспризорник лениво встал, вразвалку подошёл к турнику, подпрыгнул, ухватился за турник и выжал стойку. Пальто опустилось ему на голову, в воздухе торчали босые грязные ноги.

Потом он соскочил с турника, вразвалку ото-

шёл и сел на своё место. Беспризорники ухмылялись и насмешливо поглядывали на пионеров.

— Здорово, — сказал Миша, — мы так не умем. А ну, Генка, попробуй..

Генка стал под турником, присел, подпрыгнул и ухватился за турник. Потом, не сгибая колен, выбросил ноги вперёд и начал раскачиваться. Он раскачивался всё быстрее, быстрее, быстрее и вдруг... раз! Сделал стойку. Два! — вторая стойка. Три! — третья стойка. Он описал несколько кругов. Потом опять раскачивание, всё медленней и медленней, и Генка спрыгнул на землю.

— Подходяще, — сказал Коровин.

— Это называется «вертеть солнце», — объяснил Миша, — этому легко научиться.

Разговор завязался. С этого дня беспризорные ежедневно приходили на площадку. Они приводили с собой товарищей, играли с пионерами в лапту, в волейбол, слушали шуркины рассказы. Но заставить их снять свои лохмотья было невозможно, хотя и стояли жаркие июльские дни.

В ЛАГЕРЕ

Мальчики из мишиного звена только что закончили сооружение большого плота, выкупались и теперь отдыхали на берегу.

Перед ними расстилалось безбрежное озеро. Облака лежали на его невидимом краю, как лохматые снеговые горы. Острокрылые чайки разрезали выпуклую синеву воды. Тысячи мальков ныряли по мелководью. Белые лилии дремали на убаюкивающей зыби. Их длинные зелёные стебли путались в прибрежном камыше, где квакали лягушки да иногда раздавался шумный всплеск большой рыбы.

— Пошли, ребята, — сказал Слава, — вон Коля идёт.

Мальчики направились к лагерю, к разбитым на опушке леса серым остроугольным палаткам.

В середине лагеря высилась мачта. Завтра утром будет торжественный подъём флага. Из-за крайней палатки доносились крики хлопотавших у костра девочек. Над костром висели котелки. По лагерю быстро распространялся запах подгоревшей кашки.

Из лесу вышел Коля, окружённый беспризорниками, которые теперь часто приходили к пионерам.

«Интересно, куда их Коля водил? — думал Миша. — Конечно, он увёл их нарочно, пока устраивался лагерь. Они бы заскучали, а может быть, и вовсе разбежались: к работе они не привыкли».

— Вы куда ходили? — спросил Миша у Коровина.

Коровин покосился на стоявших в стороне ребят и тихо ответил:

— В деревню.

— Зачем?

— Хлеба смотрели, молотьбу... — он вздохнул. — Мы раньше тоже... И корова у нас была.. Машка.

Миша с восхищением посмотрел на Колю. Он стоял у костра, окружённый девочками, и пробовал кашу, смеясь и дуя на ложку.

«Какой он всё-таки умный, — думал Миша. — Ходил с ребятами в деревню. Ведь все они деревенские. И он повёл туда, чтобы ребята вспомнили свой дом, свою семью...»

— Ещё, — продолжал Коровин, — на станцию ходили.

— Зачем?

— Детдом там... Смотрели, как ребята живут. Там бывшие... — он смутился, — ну, как мы сейчас...

— Ну, и как у них, хорошо?

— Ничего живут, подходяще... Свой огород имеют...

«И в детдом их нарочно повёл», — подумал Миша.

Коля всё ещё стоял возле кухни. Миша подошёл к нему.

— Ну, как я буду всё делить? — плачущим голосом говорила Зина Круглова. — Тут сто всяких продуктов. Никто не принёс одинаковые. Вот, — и она показала на разлохотавшую возле костра провизию, — котлет — пять штук, сельд — восемь, яиц — двенадцать, мяса — девять кусков, воблы — четыре, крупа вся разная... — она обиженно замолчала и вдруг расхохоталась. — А второе звено рыбы наловило — шестнадцать пескарей... — и её красное от жары лицо с маленьким вздёрнутым носиком стало совсем круглым.

— Да, — рассмеялся Коля, — мелковата рыбёшка. Ничего, пообедаем, только пальчики оближете...

И действительно пообедали.

Каша чудесно пахла дымом, варёной воблой, а в чае плавали еловые иголки, капельки жира и яичная скорлупа.

Если сделанными из бересты ложками, рассевшими вокруг костра. Вверху шумели сосны, встречно каркали вороны. Коля наизал на том пол кусочки мяса и поджарил шашлык. Всем досталось по маленькому кусочку, но зато шашлык был настоящий...

После обеда Коля построил отряд и сказал:

— Завтра мы с детским домом проведём большую военную игру «Взятие Перекопа». Чтобы не ударить лицом в грязь, сегодня немного потренируемся. Вон там будет штаб «белых», — он показал на рошину на правом берегу озера. — Задача — проникнуть в штаб «белых» и захватить их флаг, — он посмотрел на мишино звено и

продолжал: — «Белыми» будут второе и четвёртое звенья, а руководителей мы дадим постарше. «Врангелем» назначается Шура Огуреев, а Генка Петров — его начальником штаба».

— Почему мы будем «белыми»? — запротестовал Генка. — Раз наше звено «красное», значит, и мы должны быть «красные».

— Действительно, — сказал Шура, — это несправедливо. К тому же у белых не было должности начальника штаба. Он назывался «генерал-квартирмейстером».

— Хорошо, — улыбнулся Коля, — значит, Генка будет «генерал-квартирмейстером».

Шура и Генка были страшно обижены этим назначением, и когда «Перекоп» был взят и штаб «белых» разгромлен, «Врангель» и его «генерал-квартирмейстер» исчезли.

Их долго искали, несколько раз трубили в гюль, но они не явились.

— Ничего, — сказал Коля, — придут... Пейте чай, а потом в лес — за хворостом для большого костра.

И в самом деле, к вечеру Шура и Генка явились.

Впереди шёл Шура, а за ним с поникшей головой плёлся Генка.

Они подошли и молча остановились в нескольких шагах от Коли.

— Ну, — сухо спросил Коля, — зачем пришли?

— Мы сдёмся, — с важным видом объявил Шура.

— Почему вы не явились по сигналу?

Шура начал приготовленную заранее речь.

— Мы решили, — сказал он, — что надо соблюдать историческую правду. Ведь Врангель удрал из Крыма. Вот и мы скрылись, — он помолчал, потом добавил: — А если, по-вашему, это — неправильное толкование роли, то прошу впредь меня «Врангелем» не назначать.

КОСТЁР

Вечером весь отряд расположился вокруг зажжённого на берегу костра.

Луна пролила по озеру сверкающую серебряную дорожку. Под чёрной громадой спящего леса бегали маленькие палатки. И только звёзды, перемещиваясь, посылали друг другу сигналы, сторожили уснувший мир.

Коля рассказывал о далёких, чужих странах. О маленьких детях, работающих на чайных плантациях на острове Цейлоне. О нищих, умирающих на улицах Бомбе. Об измученных горняках Силезии и бесправных неграх в Америке.

Вспыхивающее пламя вырывало из темноты напряжённые лица ребят, галстуки, худощавое

кожино лицо с косой прядью мягких волос, падающих на бледный лоб.

И ещё Коля рассказывал о коммунистах и комсомольцах капиталистических стран — отважных солдатах мировой революции.

Миша лежал на животе, подперев кулаками подбородок. Лицу его было жарко от близости огня, по ногам и спине пробегали тинущий из озера холодок. Он слушал Колю, и из темноты, нависшей вокруг костра, перед ним вставали суровые образы бесстрашных людей, сокрушающих старый мир. Он представлял их себе идущими на казнь, мужественно переносящими пытки в тюрьмах и застенках, поднимающими народ на восстание против буржуазии. И он мечтал о жизни, подобной этой, до последнего вздоха отданной революции...

Коля кончил беседу и приказал дать отбой. Протяжные звуки горна всколыхнули воздух и дальним эхом отозвались за верхушками деревьев. Все разошлись по палаткам, и лагерь уснул.

Миша не спал. Он лежал в палатке и через открытую полость смотрел на звёзды.

Рядом с Мишей, вытянувшись во весь свой длинный рост и с головой накрывшись одеялом, спал Шура Большой. За ним, съёжившись и чуть посапывая, — Слава. А вон ворочается Генка... Ребята спали на мягких еловых ветках, уткнув головы в самодельные, набитые травой подушки.

Миша думал о Коле: «Откуда он всё знает? Наверно, читает много... И как он успевает? Работает на производстве, учится на рабфаке, вожатый отряда, член бюро ячейки... Да, это настоящий комсомолец!»

Хрустнула ветка. Миша прислушался. Это чашовые. Из палатки девочек послышался тихий, приглушённый смех. Наверно, Зина Круглова. Ей всё смешно.

Шаги чашовых удалились, смех в палатке девочек прекратился, и всё стихло. Миша заснул.

Потухший костёр круглым пятном чернел на высоком залитом лунным светом берегу.

ГЕНКИНА ОШИБКА

Совет отряда постановил передать в комсомол группу пионеров, в их числе Мишу, Генку, Славу, Шуру Огуреева и Зину Круглову. Ячейка РКСМ уже их приняла, и они готовились к приёму комиссии райкома.

Миша очень волновался. Ему не верилось, что он станет комсомольцем. Неужели исполнится его самая сокровенная мечта? Он с тайной завистью поглядывал на комсомольцев, заполнявших коридоры и комнаты райкома. Интересно, что они испытывали, когда проходили приёмочную комиссию? Тоже, наверно, волновались. Но у них всё это позади, а он, Миша, робко стоит перед боль-

Миша вошёл в большую комнату, где заседала комиссия.

шой, увешанной разными объявлениями дверь. За этой дверью заседает комиссия, и там скоро решится его судьба.

Первым вызвали Генку.

— Ну, что? — кинулись к нему ребята, когда он вышел из комнаты.

— Всё в порядке! — Генка молодецки сдвинул свою будёновку набок. — Ответил на все вопросы.

Он перечислил заданные ему вопросы, в том числе, какой кандидатский стаж положен для учащихся.

— Я ответил, что шесть месяцев, — сказал Генка.

— Вот и неправильно, — сказал Миша, — год.

— Нет, шесть месяцев! — наставлял Генка. — Я так ответил, и председатель сказал, что правильно.

— Как же так? — недоумевал Миша. — Я сам читал устав.

Вызвали Мишу. Он вошёл в большую комнату, где заседала комиссия. Сбоку у стола сидел Коля Севастьянов. Миша робко сел на стул.

Председатель, белообрый паренёк в косоворотке и кожаной куртке, торопливо прочёл мишину анкету, поминутно вставляя слово «так». Поляков — так, Михаил Григорьевич, — так, учащийся — так...

— Это наш актив, — улынулся Коля Севастьянов, — вожатый звена и член учкома.
— Ты своих не хвали, — отрезал председатель, — сами разберёмся.

Миша ответил на все вопросы. Последним был вопрос о кандидатском стаже. Миша знал, что год, но Генка... И он нерешительно сказал:

— Шесть месяцев...

— Неправильно, — сказал председатель, — год. Ну, ладно, иди...

Всю дорогу из райкома Миша и Слава ругали Генку. Слава тоже неправильно ответил.

— Теперь, — говорил Миша, — всех примут, а нас нет.

Подавленный всем случившимся, Генка молчал и только яростно дышал на замёрзшее стекло трамвая.

Через несколько дней в школе должно было состояться комсомольское собрание.

— Может быть, вовсе не идти? — предложил Слава. — Очень интересно, как другим будут комсомольские билеты вручать!

— Именно поэтому мы и должны быть на собрании, — сказал Миша, — а то ещё больше засмеют.

...Мальчики поднялись по лестнице, тихо вошли в переполненный зал и стали у дверей.

В глубине зала виднелся стол президиума, стоявший на возвышении и покрытый красной материей. На стене, над широкими окнами, висело

красное полотнище с лозунгом: «Пусть эксплуататорские классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей, приобретут же они целый мир». Миша едва разобрал эти слова. Бесцветный диск февральского солнца блеснул в окнах нестерпимым блеском, яркие его лучи кололи глаза.

Коля Севастьянов кончал доклад. Он закрыл блокнот и сказал:

— Товарищи! Сегодня решением бюро Хамовнического районного комитета РСМ принята в комсомол первая группа лучших пионеров нашего отряда, а именно...

Приятели покраснели. Генка и Слава стояли потупившись, а Миша, не отрываясь, до бровей в глазах, смотрел на солнце, и всё окно казалось ему покрытым тысячами маленьких блестящих дисков.

— ...а именно, — продолжал Коля и снова открыл блокнот: — Воронкина Маргарита, Круглова Зинаида, Огурев Александр, Эльдаров Святослав, Поляков Михаил, Петров Геннадий...

Что такое? Не ослышались ли они? Приятели посмотрели друг на друга, и... Генка в порыве восторга стукнул Славу по спине.

Потом все встали и запели «Интернационал». Блестящий диск за окном разгорался всё ярче и ярче. Сияние его ширилось и охватывало весь горизонт с дальними очертаниями домов, крыш, колоколен, кремлёвских башен.

Помощники

3. Александрова

Жнейка в поле колхозном стрекочет,

Где недавно строчил пулемёт,

У колхоза с утра и до ночи

Боевая работа идёт.

Улыбается рот освежённый:

«Вам большое спасибо, сынки!»

Тяжелы вы, с водою бидоны,

И по зною пути нелегки.

Урожаю колхозницы рады,

Новый хлеб новой жизни подстать,

Обгоняют друг друга бригады,

Соревнуется с дочерью мать.

По полям, за дозорные вышки,

Километра четыре пути...

Но уходят оять ребятишки,

Чтобы свежей воды принести.

Что ни колос, то вкусная пышка,

Что ни сноп, — каравай молодой,

А по жнивью бегут ребятишки,

Угощают холодной водой.

Фронтоник, председатель колхоза,

Загоревший от летних работ,

Говорит: «Молодцы водовозы!

Нам хорошая смена растёт!»

В МИРЕ КНИГ

Хорошо, когда, прочитав книгу, чувствуешь: она не скоро забудется. И не просто потому, что в ней описаны разные интересные происшествия, а потому, что она задела за живое, ответила на вопросы, которые ты не раз сам задавал себе, а если и не ответила, то заставила о многом задуматься.

Книжка «Стожары» — именно такая. В ней рассказано о пионерах — шестиклассниках села Стожары. Здесь не так давно побывали немцы. Многие разру-

шено, многих нет в живых, в селе только женщины, старики и ребята. Все они работают не покладая рук. И во всём, что затевается на селе, самое горячее участие принимают ребята.

Под началом замечательного умельца и чудодея старика Векшина ребята работают на опытном участке, выращивают невиданные прежде в этих краях южные культуры и небывало стойкий сорт пшеницы, заботливо ухаживают за каждой былинкой на своём участке. Случилась как-то беда: пшеницу помяли. Они стали подымать и выпрямлять каждый колосок.

Эти ребята все разные, непохожие: один горяч и самолюбив, другой тихий, степенный, третьему не сразу разгадаешь, не сразу поймешь, какой же он. И от этого ещё интересней от страницы к странице следить за тем, как всё яснее, отчетливее становятся характеры героев и их отношения между собой.

Повесть рассказывает о дружбе, о доверии, о прямоте и честности, о том, что делает дружбу прочной и верной или, напротив, ненадёжной, легковесной.

И ещё одно правдиво и бесспорно показывает эта книжка:

нельзя оставаться равнодушным к тому, что происходит вокруг тебя. Оглянитесь вокруг, как оглянулись стожаровские ребята, и вы увидите, что для каждого из вас найдётся хорошее, нужное, интересное дело, надо только уметь видеть и не бояться работы.

Все, кто живет и действует в этой книге, — и старый колхозник Захар Векшин, и учитель Андрей Иванович, и ребята — всей душой любят своё село, свой колхоз, свою родной уголок земли: он для них краше и дороже всего, и им хочется сделать его ещё лучше, прославить его большими, хорошими делами. Красота звёздного неба складывается из несчётного множества созвездий, и каждое занимает своё определённое место, загорается в положенный час, и в этом огромном звёздном мире свою долю красоты и света вносит скромное созвездие Стожары. И так же на земле своё место занимает село Стожары и вносит в земную жизнь свою долю красоты. А красоту земли создают люди, их дела, их труд. Об этом хорошо, интересно рассказывает книга Алексея Мусатова «Стожары».

В. Гальченко

СОДЕРЖАНИЕ

Славный путь	1 стр.	Бригадир Аня. — В. Юрезанский	25 стр.
Комсомольский значок. — Евг. Долматовский	3	Путь учёного. — А. Елагина	26
Рассказы о вожатах.	4	Трудовая слава. — Г. Рихтер	30
Судьба одного корабля. — А. Некрасов. Рис. Б. Винокурова	10	Отряд № 17. — Окончание. — А. Рыбаков. Рис. В. Лодкина	34
На выставке „Комсомол в Отечественной войне“.	20	Помощники. — З. Александрова	39
Паша Ангелина. — А. Славутский	22	В мире книг	40

На обложке: картина Я. Титова „Принят в комсомол“.

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д-330-73.

Подписано к печати 9/Х—48 г. Изд. № 783. 82х110. 1/4 бум. листа.
А — 09464. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ 2139.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

КИНО-РОМАН
в двух сериях
по А. ФАДЕЕВУ

Первая серия

Сценарий и постановка—лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля искусств

РСФСР **Сергея ГЕРАСИМОВА**

Главный оператор

—лауреат Сталинской премии, **В. РАПОПОРТ**

Композитор

—лауреат Сталинской премии, народный артист РСФСР

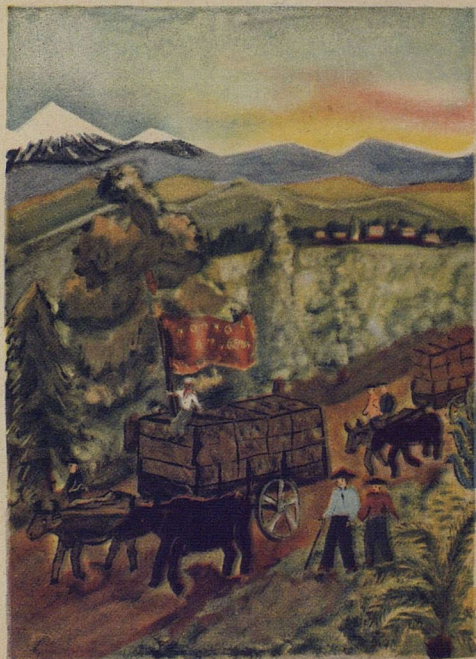
Д. ШОСТАКОВИЧ

Художник

—заслуженный деятель искусств РСФСР **И. СТЕПАНОВ**

ПРОИЗВОДСТВО МОСКОВСКОЙ КИНОСТУДИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО 1948 г.

ВЫПУСК „ГЛАВКИНОПРОКАТА“

В честь тридцатилетия комсомола в Москве открылась 3-я Всесоюзная выставка детского изобразительного творчества. Лучшие свои работы прислали ребята в подарок комсомолу. Здесь и скульптура, и вышивка, и резьба по дереву. Но особенно много на выставке рисунков.

Вот два из них: внизу — рисунок Олега Аргирева из Сухуми «Табак государству»; наверху — «Прокладка газопровода» Даниила Валешко из Киева.